

СИРОТСКИЙ ДОМ

ЛИЗЗИ ПЕЙДЖ

INSPIRIA

Novel. Актуальное историческое

Лиззи Пэйдж
Сиротский дом

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Пэйдж Л.

Сиротский дом / Л. Пэйдж — «Эксмо», 2021 — (Novel.
Актуальное историческое)

ISBN 978-5-04-191011-2

Англия, 1948 год. Клара Ньютон отправляет свое резюме в детский приют «Шиллинг Грейндж» и неожиданно для самой себя и всех постояльцев становится его новой заведующей. Многие ее подопечные остались без семей, их жизнь разорвана войной, как и жизнь Клары. Война забрала ее жениха — военного летчика. Но сейчас сироты отчаянно нуждаются в ее помощи, и Клара с трудом выносит их страдания, но больше всего она боится не справиться. По соседству живет выходец из приюта и герой войны Айвор. Он не доверяет Кларе, но хорошо ладит с детьми. При его поддержке и помощи Клара начинает находить свой путь. Выдержит ли она все испытания? И осмелится ли снова открыть свое сердце для любви? Для поклонников книг и фильмов «Пианист», «Список Шиндлера», «Жизнь прекрасна», «Клуб любителей книг и пирогов из картофельных очистков» и «Таинственный сад».

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-191011-2

© Пэйдж Л., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	26
Глава третья	30
Глава четвертая	37
Глава пятая	42
Глава шестая	46
Глава седьмая	55
Глава восьмая	58
Глава девятая	67
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Лиззи Пэйдж Сиротский дом

Посвящается Эрни, которому всегда удается вызвать у меня улыбку

«...воспринимать детей не как некую неопределенную массу, а как часть человеческого общества, состоящую из отдельных индивидуумов, обладающих как общими, так и совершенно индивидуальными потребностями».

Закон о детях, 1948 г.

**Lizzie Page
The Orphanage**

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © Lizzie Page, 2021

This edition is published by arrangement with Hardman and Swainson and The Van Lear Agency LLC

© Тогоева И., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Совет графства Саффолк

1 сентября 1948 г.

Дорогая мисс Ньютон,

рады сообщить, что по итогам сегодняшнего собеседования с Вами было принято решение предоставить Вам место заведующей детским домом «Шиллинг Грейндж» в Лавенхэме с первоначальной заработной платой 12 фунтов 6 шиллингов в неделю.

Работать Вы будете каждый день, лишь в воскресенье Вам полагается восемь свободных часов – с 10 утра до 6 вечера – но исключительно при наличии достойной подмены. А также раз в год, в августе, когда дети уезжают на двухнедельные каникулы, Вы имеете право взять отпуск (оплаченный).

Будьте добры купить на свои средства билет из Лондона (в один конец); стоимость билета будет Вам возмещена. Будем очень рады, если вы сможете приступить к своим обязанностям уже с утра в четверг, 9 сентября 1948 г.

Надеемся, что Ваше сотрудничество с нами будет долгим и успешным.
Искренне Ваши,
П. П. Соммерсби

Глава первая

Сентябрь 1948

Саффолк

Клара Ньютон дернула за шнурок колокольчика, и секунд через двадцать дверь слегка приоткрылась. В щель выглянула монахиня. Клара знала, что до последнего времени детским домом «Шиллинг Грейндж» занимались именно монахини, однако она никак не ожидала, что там еще осталась хоть одна живая их представительница. И надеялась, что ее встретит та дама с добрыми глазами и гладко причесанными густыми волосами, что проводила с ней собеседование.

Впускать Клару в дом монахиня явно не собиралась. Она даже щеколду с петли не сняла, так и выглядывала в щель, и Кларе ее лицо показалось каким-то неестественно белым, словно напудренным. И на этом белом лице ее маленькие живые черные глаза выглядели, как камешки в снегу.

– Ну что, какая у нас беда стряслась? – спросила она.

– Что, простите?

– Расстегни-ка пальто. Дай-ка я посмотрю. Так, пожалуй, недель двенадцать, не больше.

Клара тут же пожалела, что в поезде слопала сэндвич с кресс-салатом, и смущенно пробормотала:

– Я сюда работать приехала. Я – новая заведующая детским домом.

Лязгнув щеколдой, монахиня со скрежетом отворила перед ней дверь, и Клара молча последовала за ней в просторную кухню, находившуюся в задней части дома.

– Меня зовут мисс Ньютон... Клара. К вашим услугам.

Ответа не последовало.

– А вас как мне следует называть?

– Сестра Юнис вполне сойдет.

– Разве из Совета вам не сообщили, что я приезжаю?

Сестра Юнис фыркнула.

– Я кого постарше ожидала!

Клара решила принять это как комплимент и спросила:

– А... а... а дети где?

– В школе.

Ну да, конечно, дети в школе.

– Когда они возвращаются?

– В начале первого, – буркнула сестра Юнис. – На ланч придут.

– А потом снова в школу вернуться?

– Куда ж еще?

Сейчас была только половина десятого. Утром в половине седьмого Клара на цыпочках вышла от Джуди, стараясь никого не разбудить, и села на поезд в 8.15; затем, добравшись до Челмсфорда, где нужно было сделать пересадку, полчаса прождала на платформе.

Сейчас ей казалось, что до полудня еще целая вечность.

– Да, понятно, спасибо. А может быть... я могла бы пока познакомиться с документами? Пока жду? Есть же, наверное, какие-то папки с делами воспитанников. Подобная предварительная работа всегда полезна.

Собственно, Клара обычно именно так овладевала ситуацией. Для этого у нее имелась своя система, благодаря которой она вполне успешно справлялась со своей работой в фирме «Харрис и сыновья». У нее все имело свое место: счета, статьи расхода, всякая всячина. В течение десяти лет она считалась «находкой компании», а потом вдруг ни с того ни с сего стала не нужна. Ее уволили. При всех ее благих целях и намерениях. Она, правда, получила крошечную компенсацию, но тем не менее была именно *уволена*. И теперь надеялась лишь, что великолепная мисс Барбер, занявшая ее место, чувствует себя крайне неловко на любимом вращающемся стуле Клары за обожаемой Кларой пишущей машинкой. Впрочем, вряд ли это соответствовало действительности: к сожалению, она, Клара, доведя свою систему до совершенства, сделала ее полностью «защищенной от дураков», даже от такой полной дуры, как эта мисс Барбер.

Сестра Юнис, не отвечая, смотрела куда-то в пространство, и Клара осмелилась повторить:

– Я спросила, имеются ли у вас детские карты? Или еще какие-то материалы о состоянии приюта и о самих детях?

– Да ни в чем таком никогда и нужды-то не было. – Эти слова сестра Юнис произнесла, по-прежнему глядя в пространство. – Мы своих детей и так *знаем*.

– Ну, должны же быть *какие-то* документы, записи... Мне же нужно с чего-то начать.

– Начните со стирки белья.

* * *

В корзине для грязного белья оказалось четыре простыни, кое-какие мелкие вещички типа полотенце и одна мягкая игрушка. День был теплый, воздух звенел от множества насекомых, и казалось, что лето вовсе не торопится уступать свое место осени. А когда Клара принялась катать белье, ей даже стало жарко. Покончив со стиркой и вполне удовлетворившись достигнутым результатом, Клара вытащила корзину с бельем в сад. Сад был чудесный, со всех сторон защищенный раскидистыми деревьями, выстроившимися вдоль ограды, а в дальнем углу виднелся садовый сарай, похожий на сказочный домик. Во всяком случае, этот сад сильно отличался от детских игровых площадок Лондона, вечно усыпанных мусором и битым стеклом. Клара развесила простыни, прикрепила их прищепками и полюбовалась тем, как красиво они развеваются на ветру – словно чистые листы для еще не составленных отчетов.

Увидев объявление в газете «Ивнинг Стэндард» – «Занимайтесь тем, что вы, женщины, умеете делать лучше всех: заботьтесь о ближних», – Клара поняла, что это, пожалуй, единственное место, куда она *могла бы* обратиться с просьбой о работе.

Она ведь не была ни бывшей военнотружашей, ни мастером по ремонту автомобилей, «обладающим также отличными навыками вождения», ни шеф-поваром, мастерство которого оценили бы в любом фешенебельном ресторане лондонского Мейфэр. Не искала она и новых увлекательных возможностей нажиться на многочисленных распродажах.

Однако она, безусловно, была женщиной «от двадцати до сорока» (ей было двадцать шесть), считала себя вполне ответственной и здравомыслящей (ну, почти всегда) и *действительно* искала некую «стимулирующую» работу в приятной местности, не требующую особых навыков и опыта.

Она никак не ожидала, что для начала ее пригласят на собеседование – но, получив приглашение, решила, что пойдет: пусть это собеседование послужит ей неким разогревом или хотя бы даст определенный опыт в дальнейших поисках *настоящей* работы. Она позаимство-

вала у Джуди выходные туфли и костюм, который та надевала исключительно в школу на родительские собрания, и отправилась на собеседование, совсем не волнуясь – возможно, потому, что на успех она не особенно и рассчитывала. Она бойко отвечала на вопросы комиссии, сидевшей за столом и состоявшей из двух мужчин и дамы с добрыми глазами и густыми, гладко причесанными волосами, и вообще держалась так, словно ей и терять-то нечего.

На самом деле она тогда сама себя удивила. Особенно ее поразило собственное красноречие. Нет, она, разумеется, ничего не придумывала, хотя, *возможно*, все же чуточку преувеличила и свои умения, и свои интересы. Нет, даже не преувеличила, а как бы поместила их под увеличительное стекло, и они стали выглядеть значительней и сложнее, чем в реальной жизни. Ведь в реальности они были... ничего, в общем-то, не значащими. А под «увеличительным стеклом» годы, которые она в юности провела в школе-интернате, вполне могли показаться «отличной практикой для работы в детском доме», а ее умение работать с отчетами и документами, столь успешно проявившееся в компании «Харрис и сыновья», было сочтено «весьма существенным» для налаживания работы данного детского учреждения; разумеется, уверяла она членов комиссии, «защита детей от дурного влияния всегда будет для нее на первом месте в списке самых важных вещей», и так далее, и тому подобное.

Хотя собеседование с Кларой и проводили члены Совета графства Саффолк, она как-то не особенно задумывалась о том, где конкретно может находиться ее возможное будущее место работы. Само собеседование проходило в Ислингтоне в тускло освещенном помещении над зеленой лавкой... но затем выяснилось, что работать ей придется не где-нибудь, а в Лавенхэме – и одного этого было вполне достаточно, чтобы она сказала «да».

Потом она неоднократно с трепетом перечитывала присланное ей «письмо с подтверждением» и даже заставила Джуди прочесть его вслух. Вообще-то Клара особой суеверностью не отличалась – она, например, запросто, даже, пожалуй, с неким шиком входила в дом, не закрыв предварительно зонт, или могла пройти совсем близко от приставной лестницы – хотя и не прямо под ней, – но в данном случае ее даже пугало слишком большое количество всяких счастливых совпадений.

Надо же, Лавенхэм! Нет, за эту работу она бы непременно ухватилась.

* * *

Сестры Юнис нигде не было видно. В кастрюле варилась картошка, а на столе лежал кусок ветчины – вероятно, о ланче монахиня уже позаботилась. Возле раковины подсыхала вымытая посуда, в доме царили чистота и порядок, дети все еще находились в школе.

И Клара решила подняться в отведенную ей комнату. Она распаковала чемодан. Поколевшись немного – стоит ли выставлять на всеобщее обозрение любимые фотографии в рамках? – она все же решила: а почему нет? В конце концов, теперь она здесь живет. А когда делаешь вид, будто все у тебя в порядке, то порядок в итоге как бы сам собой устанавливается и в душе, и вокруг.

На выцветшей фотографии номер один был Майкл во младенчестве. Он сидел в детской коляске с большими колесами, под подбородком у него болтались завязки шерстяной вязаной шапочки, и он показывает свою погремушку кому-то невидимому – наверное, фотографу. Эту фотографию в один из тех трех сладостных беззаботных месяцев прислала Кларе мать Майкла – после того, как Майкл сообщил ей, что они с Кларой намерены пожениться.

На фотографии номер два они с Майклом были запечатлены вместе в дансинге в Клэпхэме. Кажется, он назывался «Рокси»? (Господи, они же столько раз туда ходили!) Их сфотографировали в тот самый вечер, когда Майкл сделал ей предложение, и она, слегка задохнувшись после быстрого танца «линди-хоп», сразу выпалила: «Да!», опасаясь, что он еще может и передумать. У нее-то никаких колебаний на сей счет не было. Она не просто хотела выйти

за него, но и готова была вместе с ним уехать в Америку. Их совместное будущее расстилось тогда перед ними подобно великому приключению. *Какой же счастливой я выгляжу на этом черно-белом снимке!* – думала Клара. Белая блузка прямо-таки светится. Даже цвет помады, кажется, разобрать можно. Такое ощущение, словно это вообще не она, а какая-то другая девушка.

Третья фотография была ее любимой: на ней Майкл в военной форме стоит, чуть приклонившись к самолету. И самолет такой огромный, что Майкл по сравнению с ним выглядит совсем маленьким, а ведь он был здоровенным широкоплечим парнем. Он сфотографирован в коричневой кожаной куртке на базе RAF¹ в Кокфилде – или, как тогда говорили, на базе RAF в Лавенхэме. Иногда Кларе было невыносимо больно смотреть на эту фотографию, но она понимала, что должна, *обязана* вынести все. Сегодня она смотрела на эту фотографию любовно. И знала, что Майкл гордился бы ею.

Затем Клара вытащила из сумки пачку бумаги, ручку, чернила и удобно все разложила на письменном столе. Довольно мечтаний. Она приехала в Сиротский дом «Шиллинг Грейндж», чтобы работать. Клара никогда от своих обязанностей не увиливала; уж это-то качество всегда было в ней неизменным, тут и «увеличительное стекло» не понадобилось бы. И она принялась писать свой первый отчет:

«Шиллинг Грейндж», 3, Лавенхэм,

Верхнее шоссе. 9 сентября 1948 г.

Дневник мисс Клары Ньютон,

новой заведующей.

Первоначальные наблюдения.

«Шиллинг Грейндж» – весьма живописное средневековое здание с мощными потолочными балками и каминами. Здание старое, и это сразу чувствуется: так и хочется узнать, что сказали бы эти стены, если бы могли говорить.

Перед домом на улице имеется огромный указатель вроде рекламного щита, который пропустить просто невозможно. «Грейндж» использовался как детский приют с начала 1900-х годов, и всем в нем заправляли монахини, но в этом году почти все они покинули приют. Впрочем, сестра Юнис осталась, и она, похоже, отлично знает, что делать дальше. И «на корабле» у нее полный порядок, она ведет его твердой рукой, а я постараюсь всему у нее научиться.

В доме имеется весьма просторная кухня с плитой, холодной кладовой и, по-моему, практически со всем необходимым (хотя это еще нужно проверить). Кладовая неплохо оборудована. Я заметила, что там большой запас муки и не слишком много банок с консервами. Мне кажется, сестра Юнис печет сама.

¹ Royal Air Force (англ.) – Королевские ВВС. (Здесь и далее – прим. перев.).

У меня удобная и достаточно просторная комната на втором этаже. Обстановка самая простая, но есть все, что нужно. Рядом ванная комната, которую, предположительно, мне придется делить с сестрой Юнис. Там очень чисто.

Гостиной внизу, похоже, почти не пользуются, поскольку стулья и кресла накрыты пластиковыми чехлами. Впрочем, пыли я не заметила. Тот, кто занимается здесь уборкой – кто бы это ни был, – прямо-таки мастер своего дела. Здесь фантастически чисто! Я очень обрадовалась, увидев в гостиной радиоприемник.

В доме имеются две большие спальни, одна на втором этаже, вторая на первом, и в каждой по четыре кровати. Неужели здесь сейчас восемь детей? (Это надо проверить). Ванная комната для детей находится на первом этаже; там темно, сыро, а запах просто невообразимый. Там же два туалета; в туалете для мальчиков на полу огромные лужи (Возможно, протечки? Проверить.), а в туалете для девочек все вроде бы в порядке.

В ванной комнате четыре раковины и четыре душевые кабинки. Неплохо! Все туалетные принадлежности пронумерованы. Не знаю, почему на них не написали просто имена или фамилии. Под туалетными принадлежностями я подразумеваю: кружку, зубную щетку, фланелевую салфетку для мытья, полотенце и расческу. Все это, конечно, знавало лучшие времена. Имеется зеркало, хотя и с трещиной. Пожалуй, стоит поговорить с сестрой Юнис о его замене.

На улице тоже есть уборная; там по всему полу разбросаны квадратики газетной бумаги, и, похоже, пользуются этой уборной разве что пауки.

Интересно, можно ли будет переоборудовать некоторые помещения в доме, чтобы у старших детей было какое-то личное пространство? А еще хорошо бы устроить игровую зону. Тот сарай в саду, например, отлично подойдет для игр.

На самом деле до меня только сейчас дошло, что пока я нигде не видела ни детских рисунков, ни игрушек, ни настольных игр. Как это ни неприятно, но приходится признаться, что это производит довольно мрачное впечатление. Надо поскорее обсудить это с сестрой Юнис и/или связаться с сотрудниками Совета.

* * *

Три с лишним часа пролетели незаметно, и Клара заметила, что на кухне стали появляться первые представители маленького народа, кто в платьицах, кто в коротких штанишках. На ногах – гольфы или носки и далеко не новые, но старательно начищенные башмаки, хотя дыры в них не могла скрыть даже самая лучшая чистка. На головах у детей были одинаковые черные шапочки, делавшие их похожими на летучих мышей. Одни дети буквально глаз не сводили с Клары. Другие же совершенно ее игнорировали.

И Клара вдруг поняла, что давным-давно не оказывалась среди детей, не общалась с ними. На самом деле с тех пор, когда и сама была ребенком – тогда в школе-интернате она в течение нескольких лет была окружена детьми с утра до ночи. А вот Джуди отлично умела обращаться и с малышкой, и с подростками. Кларе же куда лучше давалось «общение» с графиками и таблицами.

Вдруг самая маленькая девочка подбежала к ней и просунула ей в руку свою ручонку. Клара так и застыла.

– А вы не знаете, где моя мама?

– К сожалению, нет.

И девочка тут же выдернула свою руку из ее ладони.

А сестра Юнис снова куда-то исчезла. У нее был прямо-таки дар исчезать бесследно и ни в коем случае не оказываться с Кларой в одном и том же помещении, хотя Клара так надеялась на ее помощь! Ей казалось, что, наблюдая за сестрой Юнис, она и сама поймет, как именно

нужно вести себя с детьми. Да нет, она, конечно, должна отыскать сестру Юнис и в ближайшее же время обстоятельно с ней побеседовать: ведь им нужно столько рассказать друг другу!

– Вы кто? – спросил один из мальчиков.

– Я новая заведующая вашим детским домом. – Клара старалась говорить так, как, по ее мнению, и следовало разговаривать с маленькими детьми: чуть-чуть сюсюкая. Хотя раньше такой привычки за ней не водилось. – Вы знаете, что это такое? – спросила она, выговаривая каждое слово так медленно и старательно, словно мальчик был иностранцем. Иностранцы у них в офисе фирмы «Харрис и сыновья» иногда бывали, так что опыт у нее имелся.

Дети дружно покачали головой.

– А почему вы так странно говорите? – спросил мальчик, в точности изобразив ее манеру.

Клара смутилась и чуть прибавила темп.

– Заведующую назначает Совет графства, чтобы она как можно лучше о вас заботилась.

Обо всех и о каждом в отдельности.

– А мою маму вы искать будете? – снова подняла свою излюбленную тему та девочка.

Клара знала, что никаких обещаний давать не следует, тем более таких, которые она, скорее всего, сдержать не сумеет, но у нее невольно вырвалось:

– Я могу попытаться.

Девочка даже подпрыгнула несколько раз, приговаривая:

– Найдите мою маму! Найдите!

Плоховато начинаю, подумала Клара и посмотрела на остальных: некоторые ребята были совсем большие, худющие, лохматые, отросшие волосы свисают, закрывая лицо, а у кого-то и вовсе чуть ли не колтун в волосах. Зато у некоторых волосы чистые и блестящие. Два мальчика показались ей похожими друг на друга как две капли воды.

– А вы монахиня? – спросил мальчик, у которого голова была выбрита наголо и оттопыренные розовые уши смешно торчали в разные стороны. Кларе даже показалось, что он вот-вот заденет своими ушами стопку тарелок на краю кухонного стола.

– Не совсем.

Не совсем?

– Как же нам тогда вас называть?

– Вы можете называть меня... – Вообще-то раньше она считала, что дети вполне могли бы называть ее «тетушка Клара», но сейчас столь неформальное обращение показалось ей неуместным. – Мисс Ньютон.

– А меня зовут Алекс. – Мальчик протянул Кларе грязную руку, и Клара, разумеется, ее пожалала. Она просто не могла ее не пожать, хотя и подумала с ужасом: интересно, где успела побывать эта рука и чего успела коснуться? – Это Рита, – и Алекс указал на девчонку, которая все продолжала подпрыгивать, выкрикивая: «Мама! Мама!» – А это Питер. – Парнишка, стоявший с ним рядом, застенчиво улыбнулся и сказал:

– Приятно познакомиться.

Ростом этот Питер оказался существенно выше Клары. Он как раз пребывал в том возрасте, который служит как бы мостиком между миром детства и миром взрослости. И у него было столько веснушек, что кожи было не разглядеть.

Питер, повторила она про себя. Нужно постараться как можно быстрее запомнить их имена. *Значит, Алекс с ушами, Питер с веснушками и Рита с мамой...*

Еще один ребенок протолкался вперед и заявил:

– А я Терри!

– Здравствуйте, молодой человек.

Один из тех близнецов расхохотался:

– Какой же она «молодой человек», она же девчонка!

– Ага, теперь понятно. Значит, твое полное имя Тереза, да?

– Нет, меня зовут Терри. – И Терри, выпятив нижнюю губу, подперла подбородок кулачком.

– Хорошо-хорошо, но я пытаюсь понять, от какого имени образовано это уменьшительное «Терри».

– Уменьшительное?

– Ну, это значит, что есть еще и полное. Вот мне и стало интересно, откуда эта «Терри» взялась...

– Вообще-то я из Лондона.

– Вот и отлично.

Два совершенно одинаковых близнеца выскочили вперед, словно предоставляя Кларе возможность их проинспектировать. Белые волосы, красные щеки, башмаки стоят ровненько, в одну линейку. Они отсалютовали ей и сообщили:

– Мы близнецы.

– Я так и подозревала.

– Я – Билли.

– Я – Барри.

– А как *ваши* полные имена? – спросила Клара уже более уверенным тоном, но, увидев замешательство на их лицах, повторять вопрос не стала. – Ну, и ладно! Значит, Билли и Барри.

Дети отправились умываться, и Клара с облегчением вздохнула, надеясь, что несколько минут побудет наедине с собой, но тут открылась задняя дверь, и в кухню вошел мужчина, неся на плечах маленькую девочку. Он что-то такое напевал ей насчет рыбок и улыбок, а девочка очень четко отбивала ритм, колотя ему по груди ногами. У мужчины были очень темные, почти черные, волосы и мужественный подбородок. Здесь, конечно, была не совсем территория «Отчаянного Дэна»², но еще каких-то несколько сантиметров, и он вполне мог бы ее себе присвоить. Пел он, в общем, так себе, зато с большим энтузиазмом.

– «...когда корабль заходит в порт!» – громогласно завершил он песню, а девочка все продолжала совершать руками такие движения, будто гребет.

И тут, наконец-то заметив Клару, он застыл в полном изумлении. Потом, запинаясь, вымолвил:

– Я и не знал, что у нас гости. Простите мое... вторжение...

– Я новая заведующая детским домом. – Клара никак не могла прийти в себя. – Я... мне... знаете, мне ваша песня даже понравилась.

Она вытерла о юбку вспотевшие ладони. Ей, конечно, не следовало бы ни волноваться, ни покрываться испариной в присутствии молодого привлекательного мужчины – она все-таки была уже зрелой женщиной! – однако она разнервничалась и вся взмокла. Даже у Джуди наверняка при виде этого красавца брови взлетели бы до самых волос.

– Ну, а тебя как зовут, детка? – спросила Клара, обращаясь к девочке.

– Айвор Дилани, – тут же ответил мужчина не моргнув глазом.

Клара вспыхнула.

– Я спрашивала у этой малышки! Скажи, девочка, как тебя зовут?

Девочка испуганно вытаращила глаза и спрятала лицо у Айвора на плече. Он с размахом – опля! – ссадил ее на пол и пояснил:

– Ее зовут Пег.

– Здравствуй, Пег! – Клара старалась говорить самым веселым и приветливым тоном, на какой только была способна. Прямые как палки волосы Пег свисали ей на лицо, одна прядка прилипла к вылезшим из носа густым соплям. Да что же такое с этими малышами? Почему у

² Desperate Dan – персонаж ныне не существующего британского журнала комиксов «Денди», символизировавший Дикий Запад и ставший талисманом этого журнала.

них никогда нет при себе носового платка? Значит, носовыми платками и нужно будет заняться в первую очередь!

Айвор протянул Кларе руку и сообщил:

– Мой дом вон там, на той стороне улицы, – там я и Пег сегодня нашел. И, пожалуйста, зовите меня просто Айвор.

– Клара. Клара Ньютон.

Пока они обменивались рукопожатием, Клара просто глаз не могла отвести от второй руки Айвора, которая примерно на уровне локтя превращалась в уродливую культю. По спине у нее вдруг пополз озноб. И не потому, что культя была такой уж безобразной – просто это было совершенно неожиданно. Айвор, заметив, куда она смотрит, слегка взмахнул своим обрубком и закусил губу. Ей хотелось сказать, что ее вовсе не пугает его изуродованная рука, что это отнюдь не выглядит отталкивающе, что она просто не сумела скрыть своего любопытства, но как было изложить все это словами?

– А я никак не могла понять, куда же делся еще один ребенок, – солгала Клара. – Ну, как вы поживаете, мисс Пег?

– Пег не говорит. Совсем, – тихо сказал Айвор.

– Уверена, что это не так.

– Это так.

– Ну а почему?

Качая головой и словно не веря собственным ушам, Айвор что-то пробормотал себе под нос – возможно, даже какое-то бранное слово.

– Какая очаровательная... – Клара поискала глазами что-нибудь такое, что могло бы послужить для бедняжки Пег комплиментом, приободрить ее, – у тебя блузочка. Синий, наверное, твой любимый цвет?

Девочка обеими руками вцепилась в ногу Айвора и спряталась за ней. Она была совсем крошечная, даже меньше маленькой Риты.

– А я больше всего люблю красный, – продолжала болтать Клара. – То есть, в одежде, конечно. Глаза мне, например, нравятся карие; а еще мне очень нравится голубое небо и зеленая трава, особенно пока она совсем свежая... – Клара нервно рассмеялась. – А тебе какие цвета нравятся, Пег?

Но девочка лишь выразительно помотала головой.

– Каких слов в предложении «Пег не говорит» вы не поняли? – неприязненным тоном осведомился Айвор. А малышка опрометью выбежала из кухни, и почти одновременно с этим через заднюю дверь на кухню вошла другая девочка, постарше, лет, должно быть, тринадцати. Клара даже обрадовалась ее появлению, прервавшему этот мучительный диалог.

– Ну, здра-а-авствуй! Добро пожаловать!

Добро пожаловать? Да кто она такая, чтобы так говорить?!

– Значит, вы наша новая монахиня?

Клара одарила девочку самой широкой своей улыбкой, надеясь, что та, будучи уже почти взрослой, непременно станет ее союзницей.

– Я не монахиня, меня зовут мисс Ньютон. – У девочки были густые светло-каштановые волосы, и, несмотря на ее насупленное личико, Клара сразу заметила, что она прелестна, как бутон розы. – Но поскольку ты уже большая, ты можешь называть меня просто по имени: Клара.

– Кажется, у вас что-то в зубах застряло, мисс Ньютон.

– Морин, – тихо сказал Айвор. – Постарайся быть гостеприимной по отношению к мисс Ньютон. Сможешь?

– Добро пожаловать! – попугайским голосом воскликнула Морин.

Айвор тут же развернулся и направился к двери, бросив на ходу:

– Желаю удачи.

– Спасибо, что привели обратно Пег. – Клара очень хотела прибавить: «и приструнили Морин», но говорить такое в присутствии самой девочки не решилась.

– Рад служить. – Айвор чуть помедлил, держась за ручку двери. – Хотя – просто чтоб вы знали – я с этими переменами не согласен.

– С какими переменами?

– Да с теми, что здесь творятся. С тех пор, как был принят этот детский закон. Ведь раньше все шло нормально. А теперь, – он окинул взглядом кухню, – отсюда все монахини уехали.

– Сестра Юнис не уехала.

– А это свидетельствует только... Впрочем, ладно. Но детей-то зачем разделили? Зачем их туда-сюда безо всякой причины таскали? – Айвор помолчал, глядя в пол, потом зло бросил: – А теперь Совет еще и целую армию канцелярских крыс сюда пришлет, которые с детьми обращаться не умеют!

Канцелярских крыс? Не умеющих обращаться с детьми? Клара вспыхнула. *Это же он обо мне!*

– А они, бедолаги, понятия не имеют, во что влипли. Даже если у них вагон абсолютно неприменимых идей имеется. – Этими словами он как бы вбил гвоздь по самую шляпку.

В общем, если и был на свете определенный тип людей, который Кларе, безусловно, не нравился, так это те, кто *всегда* забивает гвоздь по самую шляпку.

– Что ж, благодарю за высказанное мнение, – надменным тоном сказала она.

– Когда вижу, как что-то делают неправильно, я прямо об этом говорю.

– Интересное качество.

И тут Клара с душевным смятением заметила, что глаза у него карие. Интересно, что он подумал, когда она сказала Пег, что больше всего ей нравятся карие глаза? Может, решил, что она именно его глаза имела в виду? Может, ей следовало сказать, что и голубые глаза тоже очень хороши?

– Особенно, когда речь идет о детях.

– Вы совершенно правы.

– Извините, если я сказал совсем не то, что вам хотелось от меня услышать. До свидания.

Клара подумала, что прямо сейчас могла бы написать в своем дневнике целую главу под названием: «Айвор. Мой сосед-злюка». Морин злорадно усмехалась, искоса на нее поглядывая. Вскоре на кухне появились и остальные дети, спокойно занимая места вокруг стола. Никаких споров насчет того, кому где сидеть, не возникало. Впрочем, вскоре стало ясно, что для Клары места нет. Собственно, там и детям-то места едва хватало. Сестра Юнис вплыла в кухню, точно большой пароход, и, воцарившись во главе стола, неодобрительно огляделась. Морин тут же подала на стол вареную картошку. Кто-то из близнецов – Билли или Барри – принес ветчину. Дети, не поднимая глаз, смотрели в свои тарелки. Прошла, наверное, целая вечность, прежде чем Клара заставила себя вымолвить: «Ой, а мне, похоже, и сесть-то некуда...»

Никто даже не пошевелился. Наконец тот веснушчатый мальчик – кажется, Питер? – отодвинул со скрипом свой стул и шепнул ей с таким видом, словно делает нечто непозволительное: «Я сейчас что-нибудь отыщу».

Сестра Юнис в сторону Клары так и не посмотрела.

Питер приволок какую-то низенькую скамейку – похоже, это была скамеечка для ног, – и с грохотом пристроил ее у свободного конца стола. К сожалению, Клара, сев на нее, сразу оказалась на голову ниже всех остальных и видела перед собой только край обеденного стола. Она надеялась, что, может, кто-нибудь из детей уступит ей свое место, но никто и не подумал это сделать. Мало того, кое-кто из них – близнецы, например, – злорадно ухмылялся. Даже маленькая Пег-которая-совсем-не-говорит. На самом деле они могли бы с тем же успехом загнать

Клару в угол и заставить ее напялить дурацкий колпак, чтобы она уж полностью испила из чаши унижений.

Сестра Юнис прочла молитву. Клара беззвучно повторяла слова, одним глазком, как в детстве, подглядывая за теми, кто сидел вместе с ней за столом. Восемь детей! Восемь *индивидуальных характеров*. Восемь человек, и у каждого свои собственные желания и потребности. Раньше, когда она представляла себе свою будущую работу, это количество не казалось ей таким уж большим. Но теперь, когда они оказались непосредственно перед ней, она вдруг поняла, что это очень много.

Ничего, уверяла она себя, всему можно научиться. Сестра Юнис ей поможет, будет ее направлять, а своим умением быстро всему учиться Клара всегда гордилась. Когда фирма «Харрис и сыновья» получила приказ незамедлительно переключиться с производства бытовых приборов на изготовление боеприпасов и оружия, Клара сразу оказалась в авангарде и сумела моментально перестроиться. Значит, и сейчас тоже сумеет.

– В общем, я очень рада, что здесь оказалась! – сказала Клара, едва отзвучала молитва. – Как чудесно, что я смогла сразу со всеми познакомиться...

– Мы едим молча! – Сестра Юнис воздела вилку к небесам, а затем сунула ее в рот.

– Что? В течение всей трапезы?

Сестра Юнис кивнула.

– Я никак не ожидала...

Сестра Юнис прожевала, медленно проглотила и пренебрежительно бросила:

– Ну ясное дело!

* * *

Собираясь после ланча в школу, дети напялили свои одинаковые черные шапки, сразу опять став похожими на летучих мышей.

– Зачем вы носите эти уродливые штуковины?

Этот вопрос они сознательно проигнорировали, и Клара не выдержала.

– Я, кажется, задала вопрос! – рявкнула она, и дети наконец-то включили внимание, а младшие еще и принялись испуганно переглядываться. Терри задрожала, а у Алекса уши стали совершенно красными.

– Зачем мы их носим? – Это заговорила самая старшая девочка, Морин. Она с отвращением стянула с себя шапку и выкрикнула: – Да чтобы каждый сразу понял, что мы из «Шиллинг Грейндж»! Ведь без этих шапок мы, чего доброго, станем выглядеть как *нормальные* дети, а нам этого нельзя, верно ведь?

* * *

Чем же ей теперь заняться? Сестра Юнис опять куда-то исчезла. И пока в четыре часа дети не вернутся из школы, Клара была совершенно свободна. В итоге она решила, что ей стоит пройтись и немного осмотреться.

Утром она по сторонам практически не глядела и следила лишь за тем, чтобы правильно отыскать по нарисованной схеме нужный дом, но сейчас, оказавшись на главной улице Лавенхэма, увидела, что там много выстроившихся в ряд магазинов и красивых частных домов. Оштукатуренные фасады, корзинки с цветами на стенах, булыжная мостовая... Кое-где виднелись даже соломенные крыши. У Клары возникло ощущение, словно она вернулась на несколько десятилетий назад. И все до мелочей было в этом очаровательном городке именно так, как рассказывал ей Майкл. Она еще, помнится, решила, что он преувеличивает – Майклу страшно нравилось все английское, и он словно не замечал никаких временных отличий. Но сейчас

Клара испытывала совсем иные эмоции и почти с нежностью рассматривала и эти небольшие лавочки, где наверняка бывал и Майкл, и таверну «Белая лошадь», куда он, возможно, заходил по вечерам, чтобы немного выпить (Клара не помнила точно, упоминал ли он это название, и страшно ругала себя за то, что никак не может вспомнить.)

Зато ей вспомнилось многое другое. Например, слова Майкла: «Лавенхэм – это готовая декорация для какого-нибудь фильма». И был совершенно прав. Во всяком случае, Лавенхэм очень сильно отличался от Лондона, но именно такая перемена и была ей нужна сейчас. Ей хотелось оказаться в сельской местности, хотелось настоящего леса, лисиц, белок, папоротников, вращающихся калиток, возле которых целуются влюбленные. Нет, к последнему она, пожалуй, была еще не готова. И к встречам в поле с коровами тоже. Она не раз читала в газетах о фатальных встречах людей со стадом коров; честно говоря, если судить по этим публикациям, коровы, оказывается, были не менее опасны, чем фашисты.

Клара бродила по Лавенхэму, жадно впитывая новые впечатления, когда на нее вдруг налетела молодая модно одетая женщина, двигавшаяся на удивление быстро – особенно если учесть булыжную мостовую и высоту каблучков незнакомки.

– Здравствуйте! Вы, наверное, заблудились?

В Лондоне уж точно никто не подошел бы к ней вот так, в толпе незнакомых людей, поглощенных своими делами, но внимание молодой дамы было Кларе почему-то приятно, и она ответила:

– Да нет... я вовсе не заблудилась. Пока что я вполне ориентируюсь. Я просто хотела немного осмотреться.

– Надолго собираетесь здесь задержаться?

– Надеюсь, что да.

– Но это же просто чудесно! – Женщина в порыве восторга стиснула Кларе руки. – Нашему старому городку не помешает немного свежей крови. Да одно ваше присутствие мгновенно вполовину уменьшит средний возраст местных жителей! – И она засмеялась собственной шутке.

Дальше они пошли рядом, как две подружки, давно и хорошо знающие друг друга. Незнакомка была, видимо, ровесницей Клары. На ней был отлично сидевший костюм приятного небесно-голубого цвета – жакет и юбка-карандаш. На пальце, естественно, обручальное кольцо – большинство ровесниц Клары были замужем, – хотя, конечно, после войны эта женщина могла оказаться и вдовой. Волосы у нее были почти белые, обесцвеченные – этот голливудский стиль Клара просто обожала. Такими блондинками стали сейчас очень многие знаменитости, и если бы у нее самой хватило смелости, она наверняка сделала бы со своими волосами то же самое. Впрочем, она свой стиль не меняла уже много лет, с сожалением понимая, что обесцвеченные и окрашенные волосы требуют постоянного внимания и ухода, на что у нее, вероятно, не хватит ни времени, ни терпения. Честно признаться, она в последнее время ленилась порой даже носик попудрить, считая это необязательным.

А потому сочла большой удачей столь внезапное знакомство со своей ровесницей, которая впоследствии могла бы стать ей подругой.

– Вы знаете, я гуляла и все думала: ну до чего красивая деревня!

– Да у нас и община *просто замечательная!* Слушайте, я же вам все могу рассказать и о Лавенхэме, и о наших жителях. Меня Дотти зовут. *Миссис Гаррард* – ох, до чего же приятно это произносить! Вообще-то замужем я всего полгода. А вон и мой муж – и слово «муж» произносить тоже очень приятно! Ларри! – окликнула она мужчину в мягкой фетровой шляпе, изучавшего объявления в витрине почтового отделения. – ЛАРРИ! Иди скорей сюда, познакомься с...

– Мисс Ньютон. Клара.

– Мисс?

И, конечно же, снова «этот взгляд». Клара даже не сомневалась, что он последует. А миссис Гаррард еще и языком сочувственно поцокала, окрасив себе зубы яркой помадой.

– Ничего страшного, не берите в голову, – затараторила она. – Я обожаю строить планы и осуществлять их. И уверена, что мы с вами непременно подружимся. Вы где остановились? Если в «Лавендер Армз» – то это просто мечта. Говорят, только ради их завтраков умереть стоит. Ларри обещал, что на годовщину свадьбы мы проведем денек в этом отеле. На деревянную свадьбу. Или железную? Никак не могу запомнить.

– Я живу в «Шиллинг Грейндж».

Миссис Гаррард остановилась как вкопанная.

– В Грейндже? Но ведь это же не гостиница!

– Нет, не гостиница.

Но Дотти Гаррард, совсем понизив голос, все продолжала удивляться:

– Неужели вы остановились в бывшем сиротском приюте? Ведь Грейндж – это же сиротский приют!

– Да, именно там я и остановилась.

Она сразу почувствовала, как изменилось отношение к ней миссис Гаррард. Подбоченившись, с вызовом та спросила:

– Но зачем, скажите на милость, вы там остановились?

– Я там теперь живу. И работаю. Я – новая заведующая этого детского дома.

Кларе нравилось слово «заведующая». Оно предполагало, что ее главная задача теперь именно в заведовании этим домом, в заботе о нем. А уж это она могла делать даже с закрытыми глазами. Сотрудники фирмы «Харрис и сыновья» любили повторять, что ее второе имя – трудяга.

– Вот, значит, как?

– Что именно?

– Это заведение здесь совершенно ни к чему! А уж с главной улицы его точно следует убрать. У нас городок респектабельный. Здесь родилась Джейн Тейлор.

– Кто?

Миссис Гаррард, словно приходя в отчаяние, тряхнула головой и заявила:

– Знаменитая поэтесса! И Констебль!³ И сэр Маннингс⁴, художник! Вам, конечно же, известны его портреты лошадей?

– Сэр Маннингс рисовал портреты лошадей? – Клара окончательно развеселилась, представив себе художника за мольбертом, которому позирует лошадь.

К миссис Гаррард наконец присоединился ее муж. У него под мышкой была маленькая коричневая собачка, шерсть которой полностью совпадала по цвету с цветом его усов. С виду он казался весельчаком. Джуди бы, наверное, сказала, что этот человек «доволен собой».

Миссис Гаррард пихнула его под локоть.

– Это... в общем, она приехала сюда работать в *сиротском приюте*! Ничего получше не нашла!

– Знаете, нам бы так хотелось убрать отсюда этот приют! – прочиркал ее супруг. Голос у него оказался неожиданно высоким, и это было так смешно, что Клара, хоть и была смущена их реакцией, с трудом сдержалась, чтобы не хихикнуть. – Поймите, ничего личного! Просто он не вписывается в стандарты здешней жизни. И сбивает цены на недвижимость.

– Не говоря уж обо всем прочем! – фыркнула его жена.

³ Джон Констебль (1776–1837) – знаменитый художник-пейзажист родом из Саффолка (Дэдхэм), который даже называют «краем Констебля».

⁴ Сэр Альфред Маннингс (1878–1959) – один из лучших английских художников-анималистов, изображал главным образом лошадей; ярый противник модернизма.

– Нам кажется, им было бы лучше в Ипсвиче, – снова вступил он. Песик покровительственным жестом положил лапку ему на плечо. *Только это не он нуждается в покровительстве*, подумала Клара. – Или в Клэкстоне. В Клэкстоне для детского дома самое место.

И чета Гаррардов медленно двинулась прочь.

– У вас будет бумажная свадьба! – крикнула Клара. – Точно, бумажная! Так первая годовщина называется. Бумажная, а не деревянная!

* * *

Не успела Клара вернуться домой – ядовитые слова миссис Гаррард все еще звенели у нее в ушах, – как появилась сестра Юнис, плотно закутанная в плащ и с ковровым саквояжем в руках.

– Ну, прощайте, моя дорогая, – сказала она вполне душевным тоном, которого Клара даже и представить себе не могла в ее исполнении.

– А что случилось?

– Уезжаю я. Навсегда.

– Как? Уже? Не может быть!.. А кто же... кто же расскажет мне, что и как тут делать?

Сестра Юнис даже не пыталась скрыть, что счастлива.

– Ничего, дорогая, вы постепенно всему научитесь.

– Но разве вам не хочется... – Клара цеплялась за каждую соломинку. – Неужели вам не хочется попрощаться с детьми?

– Лишняя суета мне ни к чему.

– А вы... – Клара столько всего хотелось сказать и спросить, что она не знала, с чего начать. – Не дадите ли вы мне на прощание какой-нибудь ценный совет?

– Порите их. – Сестра Юнис вдруг склонилась к ней совсем близко. – Почаще и как следует. Особенно когда они в постель мочатся. Прощайте.

* * *

В ящике буфета среди прочих бумаг нашелся листок с телефоном Совета графства, на котором было написано, что звонить следует только в случае крайней необходимости. Была ли это крайняя необходимость, трудно сказать, а вот телефонного аппарата Клара в доме пока не обнаружила. Итак, у нее нет ни телефона, ни плана действий, ни малейшего представления о стратегии, ни какого бы то ни было графика – то есть вообще никакой информации.

Разве это не «крайняя необходимость»?

Для начала надо выпить чашку чая, решила Клара. Именно так они с Джуди и поступали во времена Лондонского блица⁵, и этот способ никогда не подводил. А сейчас, по крайней мере, никаких бомбежек не было. И дети не выстраивались «змейкой», надев противогазы. И среди уличного мусора не валялись куски человеческих тел.

А теперь сделай глубокий вдох. Уж это-то Клара точно могла сделать.

* * *

Когда дети вернулись из школы, веснушчатый Питер – тот, что тогда притащил Кларе скамейку – первым делом принялся отскрести кухонную плиту. Он буквально с головой в нее залез. Алекс тем временем все приготовил к утреннему завтраку. Близнецы почистили

⁵ Ночные налеты немецко-фашистской авиации на Лондон в 1940–1941 гг. во время «Битвы за Англию».

овощи для запеканки, планировавшейся на ланч. Девочки подмели и натерли повсюду полы. В комнатах сразу запахло воском.

Затем дети выстирали свои носки и гольфы и развесили их сушиться на горячей трубе в ванной. Затем они вычистили свои поношенные башмаки. Интересно, думала Клара, когда же они успокоятся и присядут? И, может, все вместе послушают «Детский час» по Би-Би-Си? Но они явно были слишком заняты.

В шесть часов Алекс сообщил ей, что все дети выпили чаю; старшие еще поели крекеров с сыром и мясными консервами «Спам», а младшие ограничились просто крекерами, но у всех все в порядке, так что ей, Кларе, ни о чем беспокоиться не нужно.

Дети поели быстро и в полном молчании, а потом еще и посуду за собой убрали. Затем все дружно уселись и принялись читать (или притворяться, что читают) Библию.

Странно, подумала Клара, ведь в половине восьмого слишком рано ложиться спать? *Ну, разумеется, детям нужно какое-то свободное время.* Она еще не подозревала, что уже в половине девятого ей больше всего на свете захочется оказаться как можно дальше и от этого дома, и от этих детей, хотя они за все время не сказали ей практически ни слова. Впрочем, одного их присутствия было для нее более чем достаточно.

– Всем спокойной ночи, – объявила она, и они послушно потащились в свои спальни, точно усталые часовые после смены.

На кухне царили чистота и порядок; и к следующему дню все было полностью готово. Завтра ей оставалось только запеканку в духовку сунуть.

Итак, первый день прошел не так уж и плохо, несмотря на потрясший Клару отъезд сестры Юнис. Сиротский дом явно функционировал как хорошо смазанный механизм, а его маленькие обитатели большую часть дня отсутствовали. Вот и сегодня после школы они все вымыли и прибрали за собой, а потом послушно улеглись спать. Чем-то они немного напоминали Кларе животных в зоопарке: ничего особенно печального, просто обитатели клеток настолько привыкли находиться в плену, что без особых жалоб и сожалений с ним сосуществовали. Помнится, ее первый день в офисе фирмы «Харрис и сыновья» тоже приятным назвать было бы трудно. Буквально сразу же кто-то сцарапал с фирменного бейджа две последние буквы ее фамилии «Ньютон», и она, глазом моргнуть не успев, *ко всеобщему веселью* превратилась в «Клару Ньют»⁶. Да и работу свою Клара начала любить по-настоящему только три года спустя, когда там появилась Джуди. Джуди стала ее новой начальницей; а когда разразилась война, у Джуди под началом оказались и все фабричные девушки-новички. Джуди была всего на пять лет старше Клары, но, казалось, на несколько световых лет взрослее; однако, как ни странно, они крепко подружились. Во время налетов они обычно лежали рядышком в убежище и шепотом говорили о том, что будут делать, когда закончится война. Джуди хотела работать в школе – и ее желание осуществилось, – а Клара собиралась по-прежнему заниматься канцелярской работой, но уже в Америке, со своим Майклом.

* * *

Когда сверху донесся крик, Клара колебалась всего секунду, а потом рысью ринулась в спальню девочек. Сердце готово было выскочить у нее из груди. Итак, первая же ее проблема не замедлила возникнуть!

Рита стояла посреди комнаты, закрыв руками лицо. Морин, Пег и Терри стояли вокруг, и, если бы на лицах у них не было написано искреннее неверие, можно было бы подумать, что все это просто игра.

– Что случилось?

⁶ Newt (англ.) – тритон.

– Вот! – Рита воздела руку, в которой подобно обвинительной улике была зажата маленькая серая мышка, связанная из шерсти. – Вы *выстирали* мою мышку Молли!

Морин глянула на Клару так, словно та совершила кровавое преступление.

– Но я же не знала, что ее нельзя стирать, – начала оправдываться Клара. – Мышка лежала в корзине с грязным бельем, откуда же мне было...

– Мама! – крикнула Рита, захлебываясь слезами. – Она пахла мамой! МАМОЙ!

– Прости, пожалуйста.

Но Рита лишь еще громче и отчаянней зарыдала, время от времени подвивая так, что просто сердце разрывалось.

Клара и сама чуть не заплакала. Неужели сестра Юнис нарочно подсунула ей эту чертову мышку? Или она просто настолько тупа, что не соображала, что делает?

– Рита, я вовсе не хотела, чтобы так получилось, я не нарочно, честное слово.

Но Рита на нее даже не взглянула. Отвернувшись к стене, она зарыдала так громко, что все четверо мальчишек с грохотом взлетели по лестнице. Билли – или, может, Барри? – схватил Риту в охапку и стал гладить по голове.

– Что она тебе сделала? – спрашивал он у плачущей малышки.

– Да ничего я ей не сделала! – возмутилась Клара. – Я просто не знала...

И тут все они уставились на Клару так, словно в следующую секунду она начнет у каждого отнимать самое дорогое. Терри даже руками себя обхватила, пытаясь сдержать нервную дрожь, Пег спрятала голову под подушкой. А Рита все продолжала плакать и причитать: «Она же мамой пахла!»

– Пожалуйста, Рита, – умоляла ее Клара, – перестань, успокойся.

– Ладно, не беспокойтесь, я о ней позабочусь, – бросила Морин, буквально испепелив Клару презрительным взглядом. – *Меня-то* она любит.

Выходя из комнаты, Клара споткнулась о башмаки Терри, и та тоже завyla. Заглянув в ванную, Клара поскользнулась на отмытых до блеска плитках пола и повернулась к шедшей следом Пег, чтобы всего лишь предупредить ее, чтоб ступала осторожней, но та почему-то разревелась, и теперь уже три девочки рыдали в голос, а Морин продолжала обливать Клару гневным презрением.

Барри – а может, Билли? – попросил у Клары шиллинг, но, как только она ему отказала, попросил снова и теперь уже два шиллинга. Впрочем, через некоторое время он сообщил, что это просто шутка такая.

– Какая же это шутка? – возмутилась Клара. Она много раз слышала выражение «дойти до точки кипения», но сама никогда подобных ощущений не испытывала и только теперь поняла, что это такое. С трудом сдерживаясь, она сердито сказала: – Чтобы что-то сочли шуткой, это, по крайней мере, должно быть смешным.

– Не совсем так, честно говоря, – поправил ее лопухий Алекс. – Любая шутка одному может показаться смешной, а другому нет. – Клара велела себе ни в коем случае не менять выражения лица и держаться спокойно, однако Алекс не унимался: – Вам что, больно, мисс Ньютон? – спросил он с искренней заботой. – У вас такой вид, словно у вас что-то болит.

Когда Клара спустилась вниз, в дверях мальчишечьей спальни ее уже поджидал один из близнецов.

– Плохие новости, – сообщил он. – У меня опять «гости».

Клара ожидала очередной дурацкой «шутки», но мальчик протянул ей серый носовой платок. Она невольно отшатнулась.

– Да вы глядите, глядите! – сказал он ей, и она увидела множество крошечных черных точек. *Движущихся черных точек*. Гадость какая! Клара так и отпрянула.

– Господи, это еще что такое?

– Вошки.

- Боже мой, нет!
- Вы что, никогда раньше вошек не видели? – явно развлекаясь, спросил Алекс. Только теперь Клара поняла, зачем его обрили наголо.
- Нет! – в ужасе воскликнула она. – Да, конечно, видела! Нет, нет! О господи!

К тому времени, как Клара смогла, наконец, снова вернуться на кухню, там было полно дыма. Ее внезапный уход оказался фатальным для запеканки. Возможно, в обычное время такое блюдо сочли бы несъедобным, но сейчас наступили необычные времена, а это означало, что завтра на обед у них будет либо сильно подгоревшая запеканка с черной коркой, либо ничего.

Должно быть, где-то в четверть девятого Клара поднялась к себе – выяснив, что радиоприемник в гостиной не работает, – и уже через несколько минут в дверь ее комнаты кто-то постучался. Должно быть, это всезнайка Алекс, подумала она. Ему так нравится все объяснять, а она в его присутствии чувствует себя двухлетней малышкой. Наверняка она опять что-нибудь не так сделала.

Но на пороге стояла зареванная Рита, по-прежнему сжимая в руках мышку Молли.

- Я не могу уснуть!
 - А ты просто ляг и постарайся ни о чем не думать.
- Рита смущенно потупилась.
- Ну, что еще?
 - Морин всякие глупости говорит.
 - А ты скажи ей, чтоб перестала.
 - Я говорила.
 - Скажи, что я ей велела немедленно перестать.
 - Она не послушается.

Клара очень старалась держать себя в руках, но это было трудно. Должна же она, как и любая другая женщина, иметь хоть какое-то личное время? Да, в фирме «Харрис и сыновья» ей часто приходилось много работать, порой и сверхурочно, но вечера-то, по крайней мере, всегда принадлежали ей самой. И как же ей быть *теперь*? Как без этого обходиться? Судя по тому, как прошел сегодняшний вечер, ей здесь и вздохнуть-то свободно не дадут.

Она снова поднялась в спальню девочек. Морин лежала животом на подоконнике, высунувшись в окно; серая фланелевая ночная рубашонка явно была ей слишком коротка. Похоже, перед тем, как Клара вошла в комнату, Морин еще и курила. Толком разглядеть Клара не успела, но в комнате отчетливо пахло сигаретным дымом, хотя, возможно, это был просто запах сгоревшей запеканки, которым успел пропитаться весь дом.

– Немедленно закрой окно, – ровным тоном сказала Клара, стараясь держать себя в руках. Тем более Морин все-таки оказала ей услугу – успокоила Риту. – Ты же простудишься.

Но Морин еще больше высунулась в окно и крикнула кому-то на улице.

– Ладно, до завтра! Готовься!

Потом она оглянулась на Клару и, в раздражении покачав головой, буркнула:

– Что же вы нас никак в покое-то не оставите?

Клара попыталась дать ей отпор и уже придала собственному взгляду суровости, но тут вмешалась Терри, дернув ее за руку.

– Ну, а у *тебя-то* что случилось? – сердито спросила Клара, опустила глаза и невольно вскрикнула. Кровь! Целая лужа ярко-красной крови на полу! И у Терри все лицо тоже в крови!

– О господи! – прошипела Морин. – Подумаешь, кровь из носа пошла. Это же не последствие кровавой резни!

К девяти часам Клара почувствовала себя до предела измученной. И, улегшись в постель, еще долго не могла заснуть – комната насквозь пропахла дымом и моющими средствами, и ей почему-то все вспоминался последний внезапный приезд отца из Африки – случившийся совершенно некстати, – когда повсюду в доме, который Клара когда-то так любила, за отцом оставался тонкий, как пленка, слой мелкого песка.

А еще у нее перед глазами стоял рисунок на ковре, что лежал на полу в гостиной у Джуди и Артура. После возвращения отца она какое-то время жила у них и спала в гостиной на диване перед новеньким электрическим камином. Артур, помнится, был потрясен, когда она сказала ему: «Я поживу у вас немного, хорошо? Всего несколько дней? Джуди считает, что это совершенно нормально и я вас ничуть не стесню».

Как все-таки странно, что сейчас она совершенно одна в большом доме с восемью детьми, которые способны на что угодно; например, они могут, сговорившись, вооружиться мачете и напасть на нее, пока она спит. Они даже голову ей могут отрезать. А что? Запросто!

Не надо так думать! – приказала она себе. *Это хорошие дети. Думай лучше о Майкле.* Вспоминай, как он улыбался, когда они встречались после долгой разлуки, или как он, едва успев протереть утром глаза, шептал ей: «Привет, любимая!»

И тут вдруг произошло нечто удивительное.

Клара, тихонько лежавшая в темноте, увидела, как стол, стоявший у окна, сдвинулся с места. *Но ведь он никак не мог этого сделать. Неодушевленные предметы сами двигаться не способны.*

И все же стол сдвинулся!

Сперва на дюйм, не больше, и ножки под ним так и вихлялись. Но двигался он действительно самостоятельно. Понемногу, но, тем не менее, двигался!

– Майкл?

Она давно уже ожидала от него хоть какого-нибудь знака. Собственно, именно ожидание этого в первую очередь и помогло ей тогда выжить. Она знала, что все люди получают от своих любимых некие знаки. Невесты – красногрудую малиновку, севшую на кухонное окошко, жены – птичьи перышки на дорожке перед домом, матери – радугу в небе на день своего рождения.

Но она, Клара, никогда никаких знаков не получала. Ни одного. И пришла к выводу, что все-таки, наверное, не существует ни призраков умерших, ни возможностей получить некий привет из мира мертвых – в общем, ничего такого, потому что, если бы у мертвых действительно был какой-нибудь способ связаться с миром живых, Майкл непременно бы сделал это.

Он, возможно, в этот ночной час и умер, так что вряд ли это простое совпадение...

– Майкл?

Стол все продолжал трястись и раскачиваться, словно отвечая ей, и определенно двигался теперь куда более активно.

Значит, Майкл все-таки пытается установить с ней связь? Ну, конечно! Это он посылает ей некий знак. Но что именно он пытается ей сказать?

Папки с ее записями сперва сползли на край стола, а затем с шелестом соскользнули на пол. Ну, если уж и это не знак, то что же это такое? Странно... Да нет, совсем не странно! Ведь Майкл обещал, что всегда будет с ней, и... вот он!

– Майкл, это ты? О, мой дорогой!

Дверь в ее спальню начала потихоньку приоткрываться. Сама собой. Клара смотрела на это как зачарованная, боясь пошевелиться. Внезапно в дверном проеме возникла призрачная светящаяся фигура, послышался стон, и Клара, пронзительно вскрикнув, бросилась к ожившему письменному столу, нырнула под него и скрючилась там, прижав колени к груди и уткнувшись в них испуганным лицом.

Когда она все же осмелилась поднять глаза, то увидела трепещущую в воздухе простыню. Затем из-под простыни появились двое мальчишек, выглядевших столь же испуганными, как и сама Клара. Это были близнецы Билли и Барри.

– ДА КАК ВЫ СМЕЕТЕ! – взревела разгневанная Клара.

– Только не бейте нас!

– Вон из моей комнаты! – Клара и сама удивилась тому, сколько ярости звучит в ее голосе.

– Она нас сейчас своими шлепанцами побьет!

– Нет, только не шлепанцами!

– Немедленно убирайтесь отсюда вон! Вы слышали? ВОН! НЕМЕДЛЕННО ВОН!

Когда близнецы, хлопнув дверью, исчезли, Клара поднялась на ноги. *Ну и дикари! Просто тцарегги какие-то!* И никакой это был не Майкл. И никаких привидений не существует, как бы ты ни надеялась на обратное.

Теперь в луче света, падавшем из открытой двери, она вполне отчетливо разглядела толстые хлопчатобумажные нитки черного цвета, с помощью которых проказники-близнецы и заставляли ее письменный стол двигаться и трястись. Это был никакой не привет от ее погибшего возлюбленного. У Клары было такое ощущение, словно маленькие хулиганы дергали не за привязанные к столу нитки, а за самые больные струны ее души.

Ну все, с нее хватит!

Клара снова оделась, но все же решила немного выждать. Лишь услышав, как в девичьей спальне негромко щелкнул выключатель, она принялась тихо складывать в чемодан свои вещи, записи и фотографии.

Как же ей не хватало предсказуемости своей прежней работы! Той, которой она занималась в компании «Харрис и сыновья». Она прямо-таки тосковала по аккуратным столбцам правил и милых ее сердцу цифр, по перерывам на чай с черносмородиновой ватрушкой, по фабричным парням, любившим с ней пофлиртовать. А новая работа в Лавенхэме оказалась настолько странной, что Клара совсем растерялась.

Такое ощущение, что и она – не она, и дети ей *совершенно чужие*, и ничего у нее не ладится. Пока что ей не удалось установить контакт ни с одним из них – эта вязаная мышь, эти сигареты, это курение у нее на глазах... да вообще все! С какой стати она вообразила, что, явившись сюда, с легкостью впишется в жизнь этого приюта и будет наслаждаться жизнью в уютном и чистом доме с симпатичными окрестностями? Нет, ей, конечно, следовало знать заранее: в жизни за все и всегда приходится платить.

Выжидая, чтобы дети уж точно уснули, Клара вспоминала последние десять лет своей жизни. Да нет, пожалуй, всю свою жизнь. Ей так много довелось пережить – не только войну и гибель Майкла, – но она всегда была уверена, что все преодолеет. Сама. Ей только нужно собраться с силами.

Один альбатрос, повисший у тебя на шее и тянущий в пучину⁷ – это уже достаточно плохо. А когда их восемь? Ответственность оказалась поистине невыносимой, всепоглощающей. Да у нее в жизни ни для чего другого и места-то не останется! А ведь ей и самой иногда с трудом удавалось прожить день – так она изнывала под тяжестью собственного горя и одиночества. Ее пугала уже сама мысль о том, что придется взвалить на себя еще и чужое горе – горе каждого из этих сироток. Нет, это и впрямь как-то слишком. Нельзя требовать от одного человека – каким бы сильным он ни был – столь многого.

Она не сомневалась: эти дети вскоре попросту ее изуродуют, уничтожат как личность.

Так что, собственно, выбора у нее нет.

Ничего, какая-нибудь другая работа непременно найдется.

⁷ Отсылка к знаменитой поэме С. Кольриджа «Сказание о старом мореходе».

* * *

Дорогие дети!

Боюсь, я совершила ужасную ошибку. Я вам не подхожу. Вам нужен совсем другой человек. Не знаю уж, что я себе вообразила, только в действительности все вышло совсем не так, как я планировала. И вы тут совершенно ни при чем; вы все просто замечательные. Вы фантастически прекрасные человеческие существа. Все дело во мне. И в том, что после войны и... еще всякого разного... я превратилась в некую пустую скорлупку. В видимость женщины. Я не умею заботиться о других – и прежде всего о душах других людей. Я с легкостью проявляю заботу о людях на бумаге, но не в реальной жизни.

Морин или Питер, очень прошу вас как старших: сразу, как встанете, отыщите, пожалуйста, телефонную будку и позвоните в Совет графства Саффолк по этому номеру (шиллинг на это я вам оставляю). К телефону попросите позвать мисс Бриджес или кого-нибудь из сотрудников опеки (простите, но больше никаких имен я припомнить не могу).

В иных вопросах вам, наверное, сумеет помочь тот темноволосый мужчина, что живет через дорогу.

Простите, что подвела вас, вы, безусловно, заслуживаете лучшей воспитательницы.

Желаю вам всем удачи и счастья.

*Искренне ваша,
мисс Ньютон, Клара.*

Глава вторая

Чемодан Клары так грохотал, когда она волокла его по булыжной мостовой, что она боялась перебудить весь город. Однако на всем пути до железнодорожной станции она не встретила ни души; и ни одно темное окно, за которым мог стоять кто-то и смотреть, как она идет по улице, так и не вспыхнуло, словно желая ее пристыдить.

Она вдруг почувствовала, что освободилась, стряхнула со своих плеч ту тяжелую ношу, которую несла с тех пор, как приехала в «Шиллинг Грейндж». Нет, работа с детьми – это, безусловно, не для каждого. И ничего позорного в ее бегстве нет. Она ведь тогда попросту убедила себя, что работа *заведующей* детским домом – это в основном работа *с документами*. А может, ей тогда казалось, что достаточно и того, что это работа в Лавенхэме? А может, у нее попросту не было выбора?

Ну что ж, она в любом случае ошиблась.

Она старалась не вспоминать лицо Билли (а может, Барри?) с грязными дорожками от слез и его жалобный крик: «Не бейте нас!» Или о том, с какой горечью Морин сказала, что без этих дурацких шапок они все «стали бы выглядеть как *нормальные* дети, а им этого нельзя». Или о том, как судорожно Рита сжимала своего вязаного мышонка и причитала: «Мама! Мама!»

Конечно, Клара никогда бы не позволила себе последовать прощальному совету сестры Юнис: *Порите их*. Неужели монахиня говорила серьезно? Что же в таком случае пришлось пережить этим детям?

Нет, ее это больше заботить не должно!

Наконец Клара добралась до железнодорожной станции, и тут выяснилось, что больше поездов до Лондона не будет. Последний ушел пятьдесят пять минут назад. *Черт бы побрал и это расписание, и меня заодно! Нечего было столько времени тянуть и колебаться! Даже бегство у меня получилось на редкость бездарное и бессмысленное!* Клара сердито фыркнула и тут же хлюпнула носом, проглотив подступившие слезы. И как теперь быть? Переночевать в «гламурном» отеле «Лавендер Армз», как советовала миссис Гаррард? Чтобы за одну-единственную ночь уничтожить все свои сбережения? Это было бы в высшей степени безответственно. А может, лучше попросту вернуться назад и завтра утром предпринять новую попытку?

И Клара, развернувшись, двинулась обратно в Грейндж.

Но вскоре занервничала, заметив, что кто-то упорно следует за ней по той же стороне улицы. Оказалось, впрочем, что это всего лишь ее угрюмый сосед. Она даже была несколько разочарована. Вот уж чего ей сейчас точно не хотелось, так это очередной порции осуждения со стороны человека с обрубком вместо руки.

Когда он, поравнявшись с ней, громко поздоровался: «Добрый вечер», она не ответила и просто прошла мимо. Она, собственно, попыталась ответить, но горло ей сдавили рыдания. Но сосед ничего этого не понял и снова подошел к ней. В пальто и шляпе он выглядел весьма импозантно, куда лучше, чем в тот раз. Неужели, чтобы произвести на нее впечатление, достаточно всего лишь «правильной» шляпы? Впрочем, и он теперь смотрел на нее иначе: почти как на Пег в тот раз, когда Клара как последняя дура предпринимала мучительные попытки заставить девочку заговорить.

– Где, черт возьми, мне взять расписание поездов? – вдруг расплакалась Клара. – Я даже на поезд нормально сесть не могу!

– Не уверен, что существуют нормальный и ненормальный способы посадки на поезд. Вам так не кажется?

Это вызвало новый приступ рыданий, и лицо Айвора исказилось от сочувствия.

– О, мисс Ньютон, бедняжка!

Ничего хуже этих слов и быть не могло. Только его доброты и сочувствия ей сейчас не хватало. С этим ей уж точно было не справиться. И свой последний носовой платок она, как назло, отдала Терри. Какой позор! Впрочем, Айвор тут же вытащил из кармана свой платок и протянул ей. А она стояла и тупо смотрела, как трепещет на ветру его пустой рукав.

Ну почему ей никак не оторвать глаз от его несчастной культуры?

– Следующий поезд, мисс Ньютон, будет, по-моему, завтра в полдень. До завтра ваши дела могут подождать?

– Что ж, придется подождать.

– Позвольте мне в таком случае взять у вас чемодан, мисс Ньютон.

Она все еще плакала. Прямо как Рита! Случайная слеза скатилась у нее по носу. Господи, стыд-то какой! А она еще и позволяет человеку с одной рукой нести ее чемодан, тогда как у нее их целых две, абсолютно здоровые! Айвор, однако, все продолжал с тревогой на нее поглядывать, и это тоже ее раздражало. Особенно потому, что она ничего не могла с собой поделывать: уж очень хороши были у него глаза – карие, того самого цвета, который ей *действительно* больше всего нравился.

– Что это у вас такое в чемодане? Он, наверно, тонну весит.

– Письма, разные записи, фотографии – всякое такое. И кое-какая одежда.

– Не труп?

– Ха-ха.

Нет, она должна взять себя в руки! Нельзя же позволить мистеру Айвору Дилани, который в своей шляпе выглядит таким привлекательным, окончательно превратиться в Прекрасного Принца – хоть он и появился весьма кстати, хоть она и была безмерно ему за это благодарна, – и отвлечь ее от задуманного бегства. И тут Клара заметила телефонную будку. Решение возникло мгновенно, и она, ухватившись за него, сказала:

– Я только... позвоню, хорошо? Вы ведь постережете мой чемодан?

Он мгновенно поставил чемодан на землю и посмотрел на Клару ласково и печально.

– Я сохраню его даже ценой собственной жизни.

Джуди ответила после пятого гудка. Клара, впрочем, была уверена, что она непременно снимет трубку. Не было на свете более надежного человека, чем Джуди, хотя голос у нее все-таки был сонный и недовольный.

– Это я, Клара. Я прямо сейчас возьму такси и вернусь в Лондон. Ни секунды не медля. Джуди спасет ее. Она же спасала ее во время блица. И после гибели Майкла...

– Да ты что, Клара? Это же страшно дорого!

Да, это страшно дорого.

– Ну, тогда я приеду завтра утром на поезде.

– Но почему, Клара?

– Потому что сегодня вечером больше нет поездов.

– Я не о том. Почему... почему ты так скоро уезжаешь?

И Клара шепотом призналась:

– Здесь все так плохо! Да и *сама я*, как оказалось, никуда не гожусь. Это совершенно не мое. Я не могу заниматься детьми.

Джуди тоже понизила голос.

– Конечно же, ты можешь заниматься детьми. Тебя бы и на работу не взяли, если бы комиссия сочла, что ты этого не можешь.

Неправда!

– И потом, куда ты теперь пойдешь? Что ты будешь делать?

А вот эти вопросы звучали уже *относительно* многообещающе.

– Я думала... я надеялась, что снова смогу недолго пожить у тебя. Пока не встану на ноги.

Джуди вздохнула.

– Я всегда тебе рада, но, видишь ли, Клара... – *Вот оно, это «видишь ли, Клара»!* – ... места у нас маловато...

Клара молчала и ждала. Она знала, что если выждать достаточно долго, Джуди не выдержит и сдастся. Джуди всегда славилась мягкостью характера. Именно по этой причине все дети в школе «Ханиуэлл» стремились оказаться в ее классе.

– ...и потом, это было бы несправедливо по отношению к Артуру, мне кажется.

Да, конечно, Артуру пришлось нелегко на Дальнем Востоке, но ведь Клара и Джуди в этом не виноваты, почему же он продолжает срывать на них приступы своего дурного настроения?

– Значит, Артур не хочет, чтобы я вообще у вас появлялась?

– Ну, зачем ты так говоришь? Ведь это же неправда!

– Как только у меня будет стабильная зарплата, я сразу же что-нибудь себе подыщу и съеду от вас. – И Клара охватило ужасное ощущение, что эту битву она проиграла.

– И сколько же времени на это потребуется?

Раньше Джуди не стала бы задавать подобные вопросы. Кларе даже показалось, что за спиной у Джуди стоит Артур и яростно шепчет ей на ухо: *Только не позволяй ей снова у нас поселиться!*

Джуди лишь однажды призналась Кларе, что их семью далеко не всегда можно назвать счастливой. Что Артуру часто снятся кошмары, и в результате он просыпается весь мокрый от пота. Что сейчас многие из тех, кто воевал, страдают от подобных нервных расстройств, так что Артур – не исключение. Однако и это признание Джуди не вызвало в душе Клары большего сочувствия Артуру.

– Знаешь, раз уж тебе так необходимо в Лондон, – продолжала между тем Джуди, – так, может, тебе в отцовский дом вернуться? Ты об этом не думала?

Клара с силой бросила трубку и зарыдала.

* * *

– Не хотите ли зайти ко мне в мастерскую? – Теперь Айвор Дилани уже и говорил с ней, как с ребенком! – Там, правда, небольшой беспорядок, но...

Клара, хлюпая носом, спросила:

– А что у вас за мастерская? – *Словно это имело какое-то значение!*

– В основном я занимаюсь обивкой мебели. Ну еще гардины шью и всякое такое. Починкой занимаюсь – в общем, делаю, что попросят.

Клара задумалась. Она никак не могла понять, как ему удастся заниматься подобными вещами с одной-то рукой.

– Знаете, иной раз жизнь сразу как-то лучше становится, если чашку хорошего чая выпьешь. – На щеках у Айвора вдруг вспыхнул румянец, и он прибавил: – И потом, надеюсь, я хорошо умею слушать.

Нет уж, о «призраке Майкла» она ему точно рассказывать не будет. Ни за что. Это уж ни в какие ворота не лезет. Она же сама вечно насмешничала, издеваясь над всякими «психотерапевтами», гороскопами и прочей дребеденью, которой во время войны и после нее так увлекались многие вдовы и их дочери. А тут с этим «привидением» из простыни она сама проявила точно такую же глупость.

Господи, неудача за неудачей! В последнее время они громоздились друг на друга и казались Кларе похожими на некую древнюю башню из тяжелых каменных глыб. Ну, не могла же она рассказать Айвору, как за ланчем дети усадили ее на оскорбительно низкую скамейку? Не могла она рассказать ему и о том, как нечаянно выстирала мышку Молли. И о том, как

Морин преспокойно курила, высовываясь в окно, и при этом перекликалась с каким-то парнем с улицы. Разумеется, Айвор сразу решил бы, что в качестве воспитательницы она совершенно некомпетентна. Или подумал бы, что дети в «Шиллинг Грейндж» совсем уж испорченные. А ведь все это попросту несправедливо.

Клара снова высморкалась – *бедный носовой платок Айвора!* – и сказала, вспомнив его слова, сказанные всего несколько часов назад, о «целой армии канцелярских крыс»:

– Да нет, спасибо. Я уже в полном порядке. – Нет, конечно, никакой он ей не друг! – Благодарю вас за помощь.

– Всегда к вашим услугам. – Он помолчал. – Знаете, я очень люблю этих детей. И некоторых из них знаю довольно давно, так что...

Клара решительно прервала его:

– Спасибо. Но помощь мне больше не нужна.

– Да ради бога! – Это он сказал уже совсем другим тоном. – Желаю вам успешно осуществить ваш план.

– Какой план?

Ему явно стало неловко.

– Н-ну... это зависит от того... уезжаете вы или остаетесь.

Клара, прищурившись, глянула на него.

– Спасибо. Только у меня *уже все решено*. Я уезжаю завтра. Самое позднее в полдень.

Он пожал плечами. *Как будто ему не все равно!*

– Что ж, это, возможно, и к лучшему.

Глава третья

На завтрак был хлеб с подливкой от жаркого. Вообще-то следовало бы еще и овсяную кашу сварить, но выяснить, где хранится овсянка, Клара так и не успела, и к тому времени, как Алекс показал ей нужный ящик, было уже слишком поздно. За столом снова царил гнетущее молчание, да и еда была, прямо скажем, не ахти, так что трапеза получилась совсем унылая. Посуду вымыли старшие мальчики – они ринулись к раковине, едва успев положить ложки, – и Клара просто не знала, чем ей заняться. За младшими девочками присматривала Морин. Даже стол для ланча Рита и Пег успели заранее накрыть. Клара чувствовала себя по меньшей мере странно, сидя в полном бездействии и позволяя всему вокруг делаться как бы само собой. Заметив, что Билли и Барри яростно скребут в голове, она решила попробовать снова завязать разговор с детьми. Свой *последний* с ними разговор (хотя им, конечно, вовсе не обязательно было об этом знать).

– Значит, вы все в одной школе учитесь?

Питер озадаченно посмотрел на нее.

– Нет, мы учимся в средней школе. А малыши еще в начальную ходят.

– Ах да, конечно. – *Господи, как глупо она себя ведет! Просто на редкость глупо.*

Рита, стоявшая у задней двери, вдруг протянула к ней руку ладонью вверх и растопырила пальцы – словно что-то просила. Клара удивленно на нее посмотрела. *Может, детям полага-ется еще что-то перед школой давать?*

– Что такое?

– Я описалась, – выпалила Рита, печально глядя Кларе прямо в глаза.

– Ах вот в чем дело!

Рита придвинулась чуть ближе к ней и, оглянувшись через плечо, доверительно прошептала:

– Терри и Пег тоже.

– Что ж, спасибо, что предупредила.

– Разве вы не собираетесь нас побить?

– Не думаю.

Рита сунула ручонку обратно в карман.

– Это хорошо. Тогда пока.

Клара помахала ей на прощание рукой, но в душе ее при этом ничто не дрогнуло. Вот и отлично. Больше она никогда никого из них не увидит. Некоторое время она размышляла, стоит ли ей стирать простыни тех – *троих, кажется?* – что обмочились. Стирать не хотелось, но и оставлять мокрые простыни было нехорошо, *несправедливо*.

Когда она все-таки занялась стиркой, в «Шиллинг Грейндж» пожаловала гостя, оказавшаяся членом Совета графства. Она тут же принялась извиняться, что вчера не сумела должным образом встретить Клару и ввести ее в курс дела. Звали ее мисс Бриджес. У нее были кудрявые седые волосы, очки в тяжелой оправе и удобные туфли на устойчивом широком каблуке. Этими каблуками она ритмично постукивала, расхаживая по кухне.

Мисс Бриджес делила свое рабочее время ровно пополам: половина детские дела, половина – кладбищенские.

– Мы просто не знаем, что делать! – Она лучезарно улыбнулась. – Не успеваем достаточно быстро всех похоронить. Но, я думаю, в итоге мы вместе как-нибудь с этим разберемся, верно? Спорить готова, что и у вас тоже найдется какое-нибудь разумное предложение.

Да уж, энтузиазма ей было не занимать. Однако выглядела она настолько переутомленной и перегруженной всевозможными заботами, что у Клары просто совести не хватило немедленно рассказать все то, чем ей так необходимо было поделиться с кем-то понимающим.

Мисс Бриджес между тем заварила полный чайник крепкого чая, что было очень мило с ее стороны; Клара и припомнить не могла, когда в последний раз кто-нибудь проявлял о ней заботу. Затем мисс Бриджес принялась доставать из своей сумки всякие нужные предметы – резиновые подстилки на матрасы, гребни для вычесывания вшей и гнид – и при этом говорила и говорила без умолку. Похоже, ей и дыхание переводить не требовалось.

– Впоследствии вам понадобится сделать запас всех этих вещей. И, кстати, должна заметить, что основные направления нынешней новой политики то и дело меняются. Так что, как нам представляется, лучше всего было бы поскорее распределить детей на постоянное проживание в домах приемных родителей. А этот Сиротский дом можете считать одним из зубцов огромного зубчатого колеса или частью длинного сборочного конвейера.

Она с наслаждением проглотила сразу полчашки чая, потом взгляделась в лицо Клары и поправилась:

– Ох нет, не конвейера, конечно! И не того станка, на котором делают оружие или что-то в этом роде. Я хотела сказать, что дети в этом доме похожи... похожи... знаете, на что? На банки с вареньем! Которые вы приготовите для дальнейшей уютной семейной жизни и которые так хочется поскорее определить куда-нибудь в хороший дом, пока их законным образом не *обобществили*. То есть вы здесь как бы временно. Кстати, все это есть в Законе о детях. Вам уже удалось прочесть доклад госпожи Кертис? Эта Майра – просто гений! Нам, безусловно, нужна была встряска, и мы ее получили.

Клара перед собеседованием ознакомилась с докладом Кертис и нашла, что это в высшей степени необыкновенный документ. В нем подробнейшим образом были разобраны все ошибки и неправильности системы благотворительности и опеки, ныне совершенно развалившейся, а также шла речь о том, что в будущем следует переходить к маленьким детским домам, более похожим на обычную семью, а к подбору приемных родителей и воспитанию детей относиться с максимальной осторожностью.

– Вы согласны с выводами Майры?

Клара кивнула. Хотя сейчас она почти перестала слушать мисс Бриджес и все размышляла о том, как сообщить ей о своем отъезде. То, что мисс Бриджес оказалась такой милой, такой понимающей и *такой разговорчивой*, невероятно затрудняло подобные откровения.

– Нам уже удалось отыскать для некоторых детей кое-кого из их *живых родственников!* – Мисс Бриджес огляделась, ища, по какой бы деревяшке постучать, и в итоге похлопала рукой по спинке стула. – И вы тоже по дереву постучите! Не хочу предвосхищать события, но есть два возможных варианта помещения в родственную семью. А еще у нас имеется несколько заявок на усыновление. По моим расчетам, если мы хорошенько приналяжем, то число детей в Грейндже уменьшится до четырех. Что было бы просто отлично, не так ли?

И мисс Бриджес рассмеялась. Похоже, у нее и впрямь была веселая, светлая душа. Она уже собралась начать новый монолог, когда Клара решила все же воспользоваться моментом:

– Я должна признаться вам, мисс Бриджес, что не чувствую себя пригодной для работы с детьми. Боюсь, я не сумела оправдать ваше доверие.

Клара даже испугалась, столь сокрушительным оказалось воздействие ее слов на мисс Бриджес. Рот у нее сам собой приоткрылся, она быстро-быстро заморгала глазами, но вскоре овладела собой и, накрыв своей рукой руку Клары и более ее не отпуская, сказала:

– Я знаю, что поначалу все это способно ошеломить; тем, кто работает с детьми, это хорошо известно. Но потом вы научитесь расслабляться – например, днем, пока дети в школе. И постепенно все как бы само собой наладится, и все у вас будет в порядке. Это уж как пить дать!

Клара попыталась отнять у мисс Бриджес свою руку, но та ее не отпускала.

– А через воскресенье, – продолжала она, – вас будет подменять сестра Грейс, и у вас весь день будет свободный.

– Но я понятия не имею, как с этими детьми обращаться!

– А в этом и вовсе никакой тайны нет. – Мисс Бриджес наконец-то выпустила руку Клары, положила свою теплую ладонь ей на колено и ободряюще по нему похлопала. – Это почти то же самое, что заботиться о членах своей собственной семьи, только семья будет чуть больше обычной.

Клара решила пока что не признаваться в том, что она понятия не имеет, как заботиться о какой бы то ни было семье – большой или маленькой. Ей никогда не удавалось даже домашние растения сохранить, вечно они у нее погибали. Чай был давно уже выпит, но она все продолжала подносить пустую чашку к губам, просто чтобы хоть чем-то руки занять. *Господи, до чего же нелепо она себя ведет!*

– Тут ведь даже никто никаких записей не вел! – пожаловалась она.

– Зато у меня с собой вот это! – с торжеством сказала мисс Бриджес и вытащила из сумки тонкую папку – максимум миллиметра три толщиной. – Только это придется спрятать подальше от любопытных глаз. А вам придется обновить старые записи и начать делать новые.

– Я, собственно, уже начала, – призналась Клара и вдруг почувствовала гордость: все-таки она оказалась *не такой уж никчемной*. – Однако, мисс Бриджес, вы меня, похоже, не совсем поняли. Должно быть, я недостаточно ясно сформулировала свои мысли, поэтому начну сначала: сегодня в полдень есть поезд до Лондона, и я намерена сесть на этот поезд и уехать.

В итоге получилось далеко не так гладко, как хотелось бы Кларе, но иных слов она подобрать не сумела. По крайней мере, свое желание она высказала.

Улыбка тут же исчезла с лица мисс Бриджес, и она решительно заявила:

– Вы никак не можете сейчас уехать. А кто же будет за детьми смотреть?

– Но вы же сказали, что все «банки с вареньем» вскоре отправятся в свои новые кладовые, к приемным родителям.

– Мы сейчас никак не можем снова все это начать: давать объявления в газетах, проводить собеседования и так далее. Вы просто представить себе не можете, сколько времени на все это уходит!

Клара пробормотала, что вполне *может* себе это представить, но, увы, *очень жаль, извините*.

– Но это действительно весьма трудоемкий процесс, – не сдавалась мисс Бриджес. – И потом, обычно заявление об уходе у нас подают за три месяца. Минимум.

За три месяца?

Мисс Бриджес явно чувствовала определенную неловкость, однако быстро взяла себя в руки и спокойно заявила:

– Ну, полагаю, при *определенных обстоятельствах* – скажем, в случае некоего семейного кризиса, – мы, возможно, могли бы сократить этот срок, скажем, до двух месяцев.

Два месяца – это почти столь же невообразимо долго. И Клара, скрепя сердце, твердо сказала:

– Шесть недель – и все. А в течение этого срока я постараюсь делать для каждого из здешних детей все, что в моих силах.

– Договорились.

* * *

После ухода мисс Бриджес Клара устроилась в саду. Сейчас у нее *действительно* было свободное время, хотя она понятия не имела, куда ей это свободное время девать. С самого утра день казался ей словно перевернутым вверх тормашками. Ну, хорошо, размышляла она, в течение шести ближайших часов дети будут в школе – это не считая перерыва на ланч, – но в остальное время Клара будет принадлежать им, а они – ей. И подобная перспектива ее

просто пугала. Хотя теперь, когда впереди уже виднелась финишная прямая, она чувствовала, что, наверное, сумеет с этим справиться. Мисс Бриджес права: ей *следует* дождаться своего официального увольнения – хотя бы ради того, чтобы не навредить себе при попытках получить новую работу.

Сад выходил на городскую улицу как бы углом, что давало Кларе возможность наблюдать за всем, что происходит на нарядном Верхнем шоссе. Разговор об увольнении получился, конечно, очень неприятным, однако она была, в общем, довольна его исходом. Хотя ближайшие шесть недель будут, несомненно, весьма тягостными, но это, пожалуй, лучше и разумней, чем сбежать ночью, словно за ней черти гонятся. А за это время можно попробовать и жилье себе новое подыскать, и работу новую получить. В конце концов, фирма «Харрис и сыновья» – не единственное место на земле, где она может успешно трудиться. Хотя в данный момент Клара, наверное, что угодно отдала бы, лишь бы снова оказаться за своим старым рабочим столом и испытать прежнее ощущение собственной нужности.

К ней вдруг неуверенно подбежала какая-то собака и положила ей на бедро свою мохнатую лапу. Клара с удивлением посмотрела на пса и погладила его. У него были чудесные глаза, карие, умные и чуть навывкате. Казалось, он пытается что-то ей сказать.

– Ты *что это* там делаешь, Бандит? – донесся из-за ограды мужской голос.

Незнакомец был в твидовой кепке, блейзере, брюках для верховой езды и сапогах – прямо иллюстрация к роману о жизни сельского джентльмена. А еще чувствовалось в нем нечто такое, отчего Кларе сперва захотелось глупо хихикнуть, а потом сесть прямо и хорошенько втянуть живот.

– Место, Бандит! Лежать!

– Не беспокойтесь! У вас такой замечательный пес! – крикнула Клара.

– Да уж, хороших людей мой Бандит за версту чувствует. – Незнакомец подошел к воротам, и Клара, встав, тоже туда направилась.

– Джулиан Уайт, – поклонился он. – *Какое шикарное имя*, – подумала Клара, пожимая ему руку. – Очень рад с вами познакомиться.

– Мисс Ньютон. Клара. Я тоже очень рада. А с тобой, Бандит, мне было познакомиться особенно приятно.

Джулиан улыбнулся. Улыбка у него была очень приятная. Симпатичными были у него и слегка растрепанные светлые волосы, и правильные черты лица, и бледноватые брови, и щеки, вспыхнувшие румянцем словно после пробежки.

– А ведь мы с вами соседи, – сказал он. – Вон там моя адвокатская контора.

И Клара впервые заметила – нет, впервые как следует обратила внимание на находившийся чуть наискосок от Грейнджа большой ухоженный особняк с греческими колоннами. Окна особняка так и блестели на солнце, белые свежеекрашенные стены сияли, а на двери виднелась золотая табличка, на которой было написано: «Робинсон, Брауни и Уайт, солиситоры».

Ах вот он, оказывается, кто, этот Уайт! Кларе еще ни разу в жизни не доводилось знакомиться с солиситором. Она так ему и сказала.

– Ну что ж, все когда-нибудь бывает в первый раз. А мне никогда не доводилось знакомиться... а кстати, кто вы такая на самом деле? Вы ведь не монахиня, верно? Если только монахини не сменили свои... хм... привычки. – На вид мистеру Уайту было лет сорок пять, даже, пожалуй, под пятьдесят, и то, как он оглядывал Клару с головы до ног, заставляло предположить, что он не женат, хотя никогда ведь не знаешь – и уж *Клара-то* точно не знала.

– Я новая... ну, они называют мою должность «заведующая детским домом». Меня принимала на работу комиссия Совета.

– И вы будете здесь заниматься воспитанием детей?

– Да, так, во всяком случае, планировалось.

Вряд ли стоило рассказывать этому человеку, что всего через шесть недель она собирается уезжать. Нет уж. Да и какое ему до этого дело? Совершенно ни к чему рассказывать историю своей жизни каждому незнакомцу. Даже такому очаровательному, как этот солиситор, который так мило ей улыбается.

– Как вам понравился наш прелестный Лавенхэм?

– Я пока мало что здесь видела.

– В таком случае позвольте мне быть вашим гидом.

В глазах у него словно огоньки мерцали, да и стояла Клара далековато, чтобы разобрать, какого же цвета эти глаза. Хотя, пожалуй, трудно было заранее предположить, что у солиситора, имя которого указано на золотой табличке, в глазах могут светиться такие озорные огоньки. Однако Кларе казалось, что хозяин такого чудесного пса, как Бандит, непременно и сам должен быть озорным и веселым.

– Спасибо, я с большим удовольствием принимаю ваше предложение.

Пожалуй, ближайшие шесть недель окажутся не такими уж долгими и скучными!

* * *

За ланчем Клара, заняв место сестры Юнис, уселась во главе стола – дети даже не спросили, куда подевалась сама монахиня, – и, как только все приступили к подгоревшей запеканке, задала первый вопрос:

– Ну, расскажите, как у вас прошло утро.

В ответ не последовало ни звука.

– Что же вы молчите? Наверняка ведь *что-нибудь* интересное да случилось.

И снова ни звука.

– Хорошо, тогда, может, мне начать первой?

Дети по-прежнему молчали.

– Значит, так: ко мне приезжала мисс Бриджес, сотрудница Совета, и мы с ней разработали кое-какие дальнейшие планы. – Клара решила не упоминать сомнительную аналогию с банками варенья и новыми кладовыми. – И все эти планы касаются вашего будущего. По моему, вас ждет много неожиданного и интересного. Ну, чья очередь теперь?

– У нас за трапезой полагается молчать, – буркнул веснушчатый Питер.

– Это правило такое, – пояснил ушастый Алекс.

– Я очень ценю установленные в этом доме правила, но в настоящий момент главная здесь я, и я считаю, что совсем не обязательно всегда следовать старым правилам.

Морин тут же ошетибилась:

– Но ведь так было всегда!

Клара никак не ожидала, что в данном случае именно Морин станет столь яростно ей возражать. Возможно, впрочем, *ей* Морин стала бы возражать *в любом случае*.

– Времена меняются, – спокойно сказала Клара. Терять ей все равно было нечего. Ну что могут сделать с ней члены Совета? Уволить?

– А может, нам *нравится* есть молча? – не сдавалась Морин. – Может, нам просто нечего вам сказать?

Больше никто не произнес ни слова. Слышался только скрип вилок по тарелкам. Где-то за окном просигналил автомобиль, и кто-то – почтальон или молочник – крикнул: «Правда, отличный денек?»

– Билли, Барри? Питер? Как у вас дела в школе? Терри? Рита?

Дети молча уставились на нее.

– Вы что, язык проглотили? Пег? Хотя нет, не Пег... Ну, тогда... Алекс?

– Спасибо, что спросили. – Алекс беспомощно посмотрел на остальных. – На математике мы проходили теорему Пифагора. Вы хотите, чтобы я объяснил вам ее суть?

– Да, пожалуйста, объясни мне! – сказала Клара.

Помоги нам, Господи!

СИРОТСКИЙ ДОМ «ШИЛЛИНГ ГРЕЙНДЖ»

ОТЧЕТ № 1

Рита Джейн Уиверз

Дата рождения:

21 августа 1939 г.

Рите девять лет, но выглядит она значительно моложе и ведет себя как маленькая.

Происхождение:

В 1944 г. в дом, где в Ист-Лондоне проживала семья Риты, угодила зажигательная бомба, возник сильный пожар, и из пяти членов семьи живой была обнаружена только Рита – остальные исчезли, предположительно погибли. Да и Риту отыскали лишь на следующий день около полудня примерно в двух милях от сгоревшего дома; в руках она сжимала маленькую мышку, связанную из шерсти. Сперва девочку приютила у себя в Саутэнд-он-Си какая-то родственница, однако ей не удалось найти общий язык с этим ребенком, который оказался жестоко травмированным и весьма требовательным. К тому же, по словам соседки, Риту в том доме попросту травили. В итоге она уже в 1947 году оказалась в «Шиллинг Грейндж».

Девочка без конца упоминает свою мать, Глорию Уиверз, – по меньшей мере раз шесть на дню. А иногда и гораздо чаще.

Я попытаюсь выяснить, что случилось с ее матерью.

Здоровье/ внешность:

Рита – здоровая девочка, у нее большие красивые глаза и длинные ресницы. Встретив ее на улице, люди часто замечают: «Эта красотка еще немало сердец разобьет!» Рита очень любит и бережет свои длинные волосы, и Морин почти каждый вечер помогает ей расчесать их ровно сто раз.

Еда:

Любит булочки с изюмом, рисовый пудинг и макаронную запеканку. А также любые сладости. Аппетит у нее хороший – настолько хороший, что просто удивительно, почему она такая худенькая и легкая. Может, у нее просто быстрый обмен веществ?

Хобби:

Рита хорошо умеет шить, вышивать и рисовать. А еще она любит книжки о Дженет и Джоне⁸.

⁸ Выпускавшаяся в 1949–1950 гг. серия книг для раннего чтения; одна из первых, созданных на основе подхода «Посмотри и расскажи».

Другое:

Всегда пугается, услышав громкие звуки. Очень боится огня. Старшие дети к ней добры – она, похоже, вызывает в них покровительственные чувства. Она очень привязана к своей шерстяной мышке (Ни в коем случае не стирать!). И всегда закрывает глаза, когда мы перед трапезой произносим слова молитвы.

Глава четвертая

Майкл часто повторял: противоположности притягивают друг друга. И правда, Майкл серьезно относился к таким вещам, которые Клара воспринимала легко, и смеялся над тем, что ей казалось чрезвычайно серьезным. Он всегда оставался спокойным и уравновешенным, она отличалась раздражительностью и с легкостью выходила из себя. Он был сильным, у нее же силенок явно не хватало. И тем не менее Клара вступила в борьбу с теми детьми, которые, как ей казалось, относились к ней враждебно.

Более других, пожалуй, ей был близок Питер. Все в нем – его чрезмерная воспитанность, даже некоторая манерность, его сдержанная повадка – напоминали Кларе ее саму в возрасте тринадцати лет. Питер был мальчиком тихим и спокойным, но всегда охотно выполнял работу по дому, и она привыкла считать его своим надежным помощником. Чрезвычайная любовь Билли и Барри к диковатым мальчишечьим забавам и блестящие способности Алекса Кларе тоже были совершенно понятны; во всяком случае, любые выходки близнецов она готова была терпеть. И если бы все дети были такими...

Но это, увы, было не так. Сложно приходилось, например, с Морин, отличавшейся чрезвычайной мрачностью и ежесекундными сменами настроения. И Пег тоже донимала Клару своим молчанием. Клара понимала, конечно, что этим детям нужен другой воспитатель, более умелый и профессиональный, способный сразу понять их нужды, обладающий должным авторитетом – словом, кто-то серьезный, солидный, *похожий скорее на Джуди*.

Но Рита... *Ох уж, эта Рита!*

Они, похоже, невзлюбили друг друга с самого начала. Первым их столкновением был тот неприятный инцидент с мышкой Молли. Затем уже на следующий вечер, стоило Кларе взять в руки щетку для волос, Рита вдруг пронзительно закричала:

– Не бейте меня!

– Да я и не собиралась! – Клара осторожно положила щетку и даже руки вверх подняла, словно сдаваясь. – Ну, видишь?

– А она часто меня била! – воскликнула Рита и заплакала. – Сестра Юнис! Да, она меня била, и я хочу к маме!

– Ну, я-то тебя точно бить не буду, – пообещала Клара. – Никогда. Честное слово.

И тут Морин, стоявшая у окна и кого-то там высматривавшая, презрительно бросила, скрестив руки на груди:

– Все сперва так говорят!

Каждый раз Рита отказывалась идти в школу, пока все у нее не будет в полном порядке. Ни одного выбившегося из кос волоска, гольфы туго натянуты ровно под колени, туфли начищены до блеска и сияют ярче, чем у всех остальных.

Затем, уставившись в потрескавшееся зеркало в ванной, она спрашивала:

– Я хорошенькая?

– А может, тебе следовало бы спросить: «Добрая ли я?» – как-то заметила Клара, и Рита непонимающе на нее уставилась. – По-моему, быть хорошенькой – это далеко не все, – пояснила Клара, но Рита, не удостоив ее ответом, молча развернулась и пошла прочь. А у Клары в очередной раз возникло ощущение, что ей попросту не дано постигнуть истинные чувства этой девочки.

Надо сказать, что никто из детей крепким сном не отличался, но больше всего мучений было, конечно, с Ритой. Она регулярно под утро писалась в постель, а затем приходила в комнату Клары, и та уже стала с ужасом ожидать, что ее вновь разбудит трагический шепот: «Мне нужна сухая простыня» или «Можно, я здесь лягу?». А еще, явившись среди ночи, Рита любила

поговорить – например, о том, что у нее коленки разные на ощупь, или на свою любимую тему: «Мне показалось, что я слышу кошку, нельзя ли нам тоже котеночка завести?».

– Все дети во время войны писались, – заявила Кларе мисс Бриджес и пообещала даже отыскать какую-то статью об этом.

Клара старалась проявлять по отношению к Рите максимум терпения, но это требовало от нее поистине сверхчеловеческих усилий. Впрочем, порой у Риты случались счастливые дни, и тогда с ней не было ни малейших проблем; она часами весело играла в саду, охотно, без уверток и уговоров, стирала свои гольфы и носки и громко пела государственный гимн. Зато в иные дни она то ли не могла, то ли не желала перестать плакать. И постоянно твердила Кларе, что должна всегда быть аккуратно причесанной на тот случай, если вдруг за ней придет ее мама.

Интересно, думала Клара, а мне-то самой когда-нибудь доведется нормально выспаться? Или почитать в уединении? Или хотя бы спокойно посетить туалет, чтобы никто не стучался в дверь и не орал во все горло: «А Рита плачет!», или «У Терри снова кровь из носа пошла!», или «Меня Барри стукнул!», или «Мне башмаки малы и не налезают!».

Через две недели после прибытия в Грейндж у Клары начались боли в животе, связанные с ежемесячными страданиями, так что больше всего ей хотелось просто как следует выспаться. Она настолько вымоталась, что у нее, казалось, болел не только живот, но и все тело. Ежедневный скудный ужин она воспринимала как очередной свой бездарный провал, покоя не давали ей и тяжкие воспоминания о гибели Майкла, и каждый раз, засыпая, она с ужасом думала о том, как продержаться те четыре недели, что еще оставались до 14 октября.

Однажды среди ночи она проснулась, инстинктивно почувствовав рядом чье-то присутствие. Да, она определенно находилась в комнате не одна. Приоткрыв глаза, она сразу заметила у своей постели чье-то лицо, скрытое в тени, и пронзительно вскрикнула.

– Нечего ко мне подкрадываться!

По лицу тут же покатались крупные слезы.

– Мисс Мама!

Часы показывали половину третьего, и Клара, не в силах более сдерживаться, сердито рявкнула:

– Я тоже по своей маме скучаю! Нам всем своих мам не хватает. Потому-то нас всех вместе и засунули в это ужасное место!

От изумления Рита перестала плакать и смотрела на Клару, разинув рот.

– Я совсем не так хотела выразиться, – поспешно сказала Клара. *Господи, ведь эта малышка не только мать, но и всю семью потеряла! Ужас, ужас!* – Ты прости меня, Рита. Я что-то сегодня слишком устала.

– А что случилось с твоей мамой? – спросила Рита.

– Она умерла. – Клара ненавидела говорить на эту тему. Но Рита, похоже, отлично ее понимала и, согласно кивнув, лишь кратко осведомилась:

– Где?

– В Африке, – столь же кратко ответила Клара, понимая, что Рита заслуживает более развернутого ответа.

– Я знаю, где Африка. Это рядом с Бирмингемом. – И Рита, обвив ручонками шею Клары, прижалась лицом к ямке у нее на плече. – Что-то мне совсем грустно стало.

– Мне тоже, – призналась Клара и неловко прижала малышку к себе, ласково похлопав ее по спинке. И, как ни странно, вскоре обе уснули.

* * *

Хирургический кабинет находился в центре города, но чуть в стороне от главной улицы и всего в пяти минутах ходьбы от Грейнджа. На матовом оконном стекле было написано «Хирур-

гия», а во всем остальном дом выглядел, как самый обыкновенный жилой особняк. Клара отвела туда Риту на следующий день после школы. Доктор Кардью оказался высоким, стройным, светловолосым мужчиной. Судя по его виду, жители Лавенхэма почти не пострадали от введения карточной системы.

Он приветствовал их в дверях, вытянувшись по стойке «смирно».

– Ага! А я все думал, будем ли мы иметь удовольствие познакомиться с новой заведующей?

Миновав простую приемную, Клара и Рита оказались в ярко освещенном хирургическом кабинете, расположенном в задней части дома. Три из четырех стен кабинета были скрыты деревянными шкафами от пола до потолка, и внутри на полках виднелось множество разнообразных баночек, бутылочек и коробочек. Царивший в кабинете запах нельзя было назвать неприятным; скорее он был какой-то *сверхчистый*. Доктор Кардью послушал Ритино сердце, посчитал пульс, проверил уши, заставил ее – предварительно рассмешив – высунуть язык и объявил:

– Ну, с этой малышкой все в порядке. В *физическом плане*, я имею в виду. – Рита не сводила с него глаз. Под ярким светом, горевшим в кабинете, стали как-то особенно заметны лиловые полукружья у нее под глазами.

И вдруг они услышали музыку – печальную мелодию, которую кто-то мастерски исполнил на скрипке. Клара так и застыла. *Такой* игры ей никогда еще слышать не доводилось. Неведомый музыкант вызвал в ее душе целую бурю мыслей и чувств. В музыке Клара не особенно разбиралась, но даже ей было ясно: этот скрипач удивительно талантлив. Да и Рита, стиснув ей руку, прошептала:

– Как красиво!

– Извини, но у меня пациенты! – крикнул доктор Кардью, подойдя к двери, ведущей в соседнюю комнату. Голос его звучал спокойно, хотя он, похоже, и был несколько раздражен подобным вмешательством музыки в медицинские дела. Видимо, это случалось довольно часто.

Звуки скрипки тут же умолкли – настолько внезапно, словно скрипка тоже была раздражена и обижена этим окриком.

– Это моя жена играет, – пояснил доктор и, повернувшись к Рите, сказал: – Видишь вон ту банку с засахаренным миндалем? Возьми одну штучку и ступай в сад, полюбуйся лягушками в пруду.

Рита, явно испытывая облегчение, сделала, как ей велели, и моментально выскользнула в сад, направившись напрямик к пруду, окаймленному рядами роскошных высоких деревьев. И буквально через несколько секунд в соседней комнате послышались чьи-то легкие шаги, и Клара увидела, как к Рите подошла высокая темноволосая женщина.

– Понимаете, девочке так много пришлось пережить. – И Клара поведала врачу все, что ей стало известно о Рите – о гибели ее семьи во время бомбежки Лондона, об издевательствах родственников, приютивших сироту в Саутэнд-он-Си, о вечном страхе Риты перед побоями.

Клару поразило, до чего внимательно доктор выслушал ее рассказ. Она не привыкла, чтобы мужчины относились к ее словам с таким вниманием.

– Она одержима идеей во что бы то ни стало найти свою мать, и я просто не знаю, как ее отвлечь, как переключить ее мысли. Или, может, и пробовать не стоит?

– Ей придется просто пережить это. Самостоятельно, – сказал доктор Кардью.

– Не думаю, что это будет так уж легко.

– Я и не говорю, что это будет легко. – Он взял ручку и что-то записал. Это была поистине великолепная авторучка – такой могла бы владеть Эмили Бронте. *Он все свои соображения сразу записывает*, – одобрительно подумала Клара и спросила:

– Но разве нельзя ей хоть чем-то помочь?

– После этой страшной войны мы часто имеем дело с последствиями контузий. Это весьма распространенное явление. У Риты тоже явно была некая форма контузии, и теперь она страдает от ее последствий.

– И как это лечить?

Доктор перестал писать и некоторое время смотрел в окно – но не на Риту, а куда-то вдаль.

– Боюсь, единого рецепта тут нет. Нужно время. И, возможно, понимание. Знаете, мисс Ньютон, – я вам вот что скажу: я очень рад, что вы решили остаться. – Клара закусила губу и промолчала. – Я же видел, как вы пытались уехать. – На нее он не смотрел, лишь внимательно изучал свою авторучку. – И как вы поздним вечером тащились на станцию с чемоданом.

Ответить на это Кларе было нечего. Тикали часы. Издали доносился вой какого-то бытового механизма. За окном проехал автомобиль.

– И еще я хотел вам сказать, что иметь сомнения – это совершенно естественно.

– Я... спасибо вам.

– И потом, на вас возложена такая огромная ответственность. Многим из этих детей довелось пережить немало горя и страданий. Так что для них очень важно, чтобы кто-то надежный оказался с ними рядом, шагал с ними в ногу, давал им ощущение некоего постоянства и правильности жизни, позволял участвовать в новых великих свершениях; это очень важно не только для детей из «Шиллинг Грейндж», но и для всего нашего города.

Клара заметила, что Рита теперь стоит рядом с той высокой, невероятно тонкой и гибкой женщиной с черными как смоль волосами.

Доктор Кардью, заметив, куда она смотрит, встал и, распахнув створки высокого французского окна, жестом предложил Кларе тоже пройти в сад. Клара так и сделала, чувствуя себя при этом ужасно. Ей, конечно же, следовало все ему рассказать. Объяснить, что через месяц она уезжает, а не принимать от него это «посвящение в рыцари» точно букет цветов, предназначенный для кого-то другого. Но сил, чтобы признаться, она в себе не находила.

Перешагнув через низенький подоконник, Клара оказалась в небольшом дворике-патио, вымощенном серой каменной плиткой, где стояла клетка с кроликами, перед которой на корточках сидели Рита и темноволосая жена доктора.

Миссис Кардью встала, подняла в приветствии руку, но вдруг уронила ее, словно пожалев об этом жесте. У нее было совершенно необычное лицо – очень высокие скулы и потрясающие темно-фиолетовые или синие глаза; и вообще она выглядела, как звезда кино или, по крайней мере, как *некая* звезда, принадлежащая к миру пятизвездочных отелей и роскошных ресторанов. И тут вдруг Клара заметила, что из-под закатанного рукава у нее выглядывает синяя татуировка, сделанная на предплечье – ряд каких-то цифр – и похожая на старую болячку или на шрам от ожога. Татуировка невольно притягивала взгляд. И женщина, заметив реакцию Клары, посмотрела на нее в упор. Их взгляды пересеклись как раз над сереньким ушастым кроликом, которого прижимала к груди Рита.

– Простите, что помешала, – почему-то шепотом извинилась Клара.

Миссис Кардью тут же отвела глаза, а Рита заявила:

– Я хочу кролика! – И со счастливой улыбкой зарылась лицом в пушистый мех. – Можно мне тоже такого кролика? А? Ну, пожалуйста!

СИРОТСКИЙ ДОМ «ШИЛЛИНГ ГРЕЙНДЖ»

ОТЧЕТ № 2

Тереза Серафина Картер

Дата рождения:

13 июля 1938 г.

Происхождение:

Мать Терри, Патрисия Картер, погибла во время Лондонского блища вместе с Бернадетт, крошечной сестренкой Терри, в мае 1941 года. Терри в этот момент с ними не жила. Ее мать, видимо, собиралась эвакуировать всю семью куда-нибудь в сельскую местность, чтобы они могли снова жить там все вместе, но отложила переезд из-за неких дел в Лондоне. Вскоре после случившегося Терри перевели из Уэльса, куда она была эвакуирована, в один из детских домов Норфолка. Отца своего Терри практически не знала – похоже, он был солдатом-контрактником и погиб в 1943 году во время военной операции в Египте.

Здоровье/внешность

Мочится в постель раза два в неделю. Предпочитает шорты юбкам, пижамы ночным рубашкам и настаивает на коротких стрижках. Последнее, впрочем, вполне разумно, потому что среди детей весьма распространен педикулез.

Еда:

Ветчина. Сыр на поджаренном хлебе. Попкорн. Черный кофе. У Терри удивительно взрослые вкусы.

Хобби:

Не уверена, что у нее есть хобби.

Другое:

Оказываясь с кем-то наедине, Терри ведет себя вполне дружелюбно и живо, но при большом скоплении народа, особенно в толпе, словно вся съеживается.

Глава пятая

«Шиллинг Грейндж», мастерская мистера Дилани и адвокатская контора «Робинсон, Брауни и Уайт» – все это находилось на нижнем конце Верхнего шоссе. Железнодорожная станция и отель «Лавендер Армз» расположились на его верхнем конце. А посредине были разные магазины, в том числе мясная лавка и булочная, а также почта. Далее простирались поля, которые Клару и привлекали, и заставляли нервничать, потому что она твердо знала: где поля, там и коровы, а где коровы, там и грязь, и навоз. К сожалению, в сельской местности так было повсюду – среди красот природы повсеместно возникали всякие неприятные вещи. С другой стороны, Клара любила полевые цветы и деревья не меньше, чем людей, а простор полей просто обожала, – но в Лондоне у нее не было возможности к этому простору привыкнуть.

К концу сентября в воздухе все чаще чувствовалось холодное дыхание осени; даже в ясные дни, когда Клара выглядывала из окна, ей не казалось, что на улице тепло. Дети каждый день приносили домой охапки осенних листьев и раскладывали их на столе – так кошки приносят в хозяйский дом пойманную мышь, – и Клара просто не знала, что ей делать с такой кучей листьев. Да она и сама-то до сих пор не поняла, что она здесь, в «Шиллинг Грейндж», делает, хотя со дня ее приезда сюда прошло уже целых двадцать четыре дня. И чем дольше она жила здесь, тем меньше уверенности испытывала *насчет чего бы то ни было*.

Дети постепенно к ней привыкали, но по-прежнему легко пугались и нервничали, особенно если делали ошибки. Например, когда Билли, споткнувшись, нечаянно опрокинул кувшин с молоком, он тут же принес Кларе шлепанцы, чтобы она его побила; а когда Пег упала, налетев на него, она сразу протянула Кларе свою ручонку ладошкой вверх – для заслуженного наказания. Но со временем дети вроде бы начали понимать, что наказывать их Клара не собирается – во всяком случае, наказывать так, как это делали монахини, – и она очень надеялась, что тот, кто придет ей на смену, наказывать детей тоже не будет.

А если будет?

* * *

Где-то в конце месяца Клара вышла прогуляться с Терри по Верхнему шоссе и вдруг обнаружила, что Терри пропала. Рядом ее не было, и Клара, развернувшись, помчалась назад; миновав три или четыре лавки, она увидела Терри. Девочка стояла перед витриной цветочного магазина и просто глаз от нее не могла отвести, а пальцы судорожно прижала к стеклу. Терри вообще была ужасная копуша. Алекс как-то сказал, что ее часто наказывают в школе за опоздания.

Вдруг дверь магазина со звоном распахнулась, и на пороге возникла та женщина с белыми, обесцвеченными волосами. Миссис Гаррард.

– Что ж вы за ним *не смотрите!*

– За кем, простите?

– Этот мальчик задышал мне всю витрину!

– Во-первых, это девочка, а во-вторых, *она* всего лишь любит ваши подсолнухи.

Миссис Гаррард покачала головой:

– У меня *от него* просто мороз по коже.

– *Ей* понравились цветы, только и всего.

– Вот пусть и любит цветами где-нибудь в другом месте. Отойдите, пожалуйста!

– Идем. – Клара схватила Терри за руку и повела прочь. Похоже, на Терри эта отвратительная сцена никак не сказалась, но сложно утверждать наверняка.

– Ну до чего противная особа! – не выдержала Клара, оставив позади еще несколько магазинов.

– Какие у нее чудные цветы! – вздохнула Терри. – Кажется, будто они с тобой поздороваются хотят.

* * *

Мисс Бриджес оказалась занята – недавно на местном кладбище из-за дождей произошло затопление, – и проверять работу Клары прислали миссис Харрингтон. Миссис Харрингтон тоже отчасти занималась детскими вопросами, а отчасти – «социальным патронажем».

Клара выставляла на крыльцо бутылки из-под молока, когда перед ней возникла некая шумливая молодая женщина с рыжими волосами, забранными под сетку, и слишком яркой помадой на губах. Миссис Харрингтон.

– Спасибо, что приехали... – начала было Клара, но миссис Харрингтон вдруг захлопала руками по бедрам, точно раненая птица, и воскликнула:

– Кого это я там вижу? Уж не мистера ли Дилани?

Голос у нее оказался неожиданно шикарный. Сочный, как сказала бы Джуди.

Айвор в пальто и в шляпе как раз выходил из мастерской. В таком виде, невольно подумала Клара, он и впрямь похож на героя какого-нибудь черно-белого фильма. В нем определенно было нечто от вспыльчивого Хэмфри Богарта.

– Неужели это мистер Дилани, наш бравый обойщик мебели?

Клара молчала и только глазами хлопала. Сама она с Айвором так ни разу и не разговаривала после своего позорного возвращения с железнодорожной станции, хотя с тех пор прошел уже почти месяц, и сейчас ей тоже совсем не хотелось в подобной беседе участвовать. К сожалению, не замечать Айвора она попросту не имела возможности – большую часть дня дверь его мастерской была распахнута настежь, да и свет у него в доме горел до глубокой ночи, – так что она не только постоянно его видела, но и чувствовала его присутствие. (Клара была совершенно убеждена, что он делает это нарочно, зная, что своим поведением действует ей на нервы.)

– Послушайте, мне нужно заново диванные подушки набить! – крикнула Айвору миссис Харрингтон и подмигнула Кларе. – Когда я могла бы их вам привезти?

– Да забрасывайте в любое время – мастерская весь день открыта.

– Ах, какое *учтивое* приглашение! – чуть съязвила миссис Харрингтон.

– И вы, Клара, тоже можете мне любое детское барахлишко приносить. – Теперь Айвор обращался непосредственно к Кларе, хотя она упорно делала вид, будто его не замечает. – Я ведь и раньше много чего для детишек из Грейнджа шил и чинил. Так что, если у вас что-то такое скопилось...

Клара решила не отвечать. Попросту не обращать на его слова внимания и все. Надо же, каким он стал дружелюбным, стоило здесь появиться сотруднице Совета! Он, может, решил, что Клара теперь в Лавенхэме и останется? Ну, он-то ей уж точно не нужен. И все же ее задела столь вызывающая демонстрация фамиллярных отношений между Айвором и миссис Харрингтон. Интересно, почему бы это?

Клара потащила миссис Харрингтон в дом, но та все никак не могла успокоиться:

– Ну, прямо настоящий герой-любовник, верно? Я такого красавца не видела с тех пор, как американцы отсюда ушли. А ведь он и впрямь *настоящий* герой! Говорят, двадцать человек в Дюнкерке спас.

Кларе стало смешно. *Двадцать человек?* Как же! Военные подвиги, а также полученные на войне ранения, как известно, вечно преувеличивают раз в десять.

Она уже поставила на стол чашки и блюда, но миссис Харрингтон все не умолкала.

– Жаль, конечно, что он без руки, но я, например, с таким недостатком вполне примирилась бы, а вы? Шучу, шучу – я ведь замужем! Но, боже мой, как хорош! Такие всегда заставляют держать себя в тонусе.

Клара предприняла некоторые усилия, чтобы направить разговор в нужное русло, но это оказалось нелегко. Миссис Харрингтон с куда большим интересом говорила о военных подвигах Айвора, об артрите своей матери, о любимых кушаньях своего супруга («он считает, что нет ничего лучше хорошей отбивной») и о том, что вскоре надеется завести ребенка («и тогда я скажу Совету графства Саффолк до свиданья!»), но только не о том, что имело отношение к маленьким обитателям «Шиллинг Грейндж».

Когда миссис Харрингтон ненадолго умолкла, чтобы выпить чаю, Клара решила воспользоваться моментом и стала расспрашивать ее, удалось ли Совету найти для ее детей каких-либо живых родственников или хотя потенциальных усыновителей. Ведь мисс Бриджес еще в свой первый визит сказала, что этим нужно заниматься в первую очередь, отложив все прочие дела.

Явно недовольная сменой темы, миссис Харрингтон вытащила из сумочки свернутый листок и подала ей. Клара обрадовалась:

– Боже мой, значит, у Питера отыскался родной дядя! И он готов регулярно брать его к себе, чтобы установить с мальчиком первоначальный контакт!

Действительно прекрасная новость. Значит, у Питера есть родственники! Из всех детей Клара сразу выделила именно его, и веснушчатый Питер вскоре стал ее любимцем. (Она понимала, конечно, что в таком коллективе не следует «заводить любимчиков»; уже одно то, что такой «любимчик» у нее появился, свидетельствует о ее полной непригодности на роль заведующей детским домом.) Впрочем, она искренне обрадовалась тому, что у ее дорогого Питера вскоре, возможно, появится нормальная семья. Обидно только, что ей до сих пор никто не удосужился об этом сообщить.

– А для Алекса никого не нашлось? – Кларе казалось просто невероятным, что за таким обаятельным умницей, как Алекс, не выстраивается очередь потенциальных усыновителей.

– Никого.

– А для близнецов?

– А вы готовы их разделить?

– Разделить? – Клара была ошеломлена. Станный вопрос, ведь Билли и Барри неразлучны. – Э-э-э... вряд ли, нет, не думаю, что это возможно...

– Вот то-то и оно. – Миссис Харрингтон занялась изучением собственных ногтей. – Тогда никакой надежды.

– Тогда, может, насчет матери Риты что-нибудь стало известно? – Клара упорно продолжала задавать наболевшие вопросы. – Неужели никто так и не знает, куда она исчезла?

– Гос-с-споди, да что вам до нее! Ведь столько лет прошло! Удивительно, что Рита вообще хоть что-то помнит о тех событиях.

– К сожалению, она помнит ужасно много.

– Ох, и я тоже! Моя мама считает, что это просто проклятье какое-то, а мой муж говорит, что я, как слон...

Клара не стала слушать дальше и невежливо прервала ее следующим вопросом:

– Я понимаю, неловко даже просить об этом, но как вы думаете, нельзя ли провести некое расследование? Ведь Рита, похоже, абсолютно убеждена, что ее мать жива.

Ни одной ее просьбы или вопроса миссис Харрингтон записывать не стала. Вероятно, она в записях попросту не нуждалась, обладая великолепной памятью.

– Было бы хорошо узнать хоть что-то определенное, – продолжала Клара. – Неважно, положительное или отрицательное. – *Отличная была бы финальная нота перед моим отъездом*, – подумала она. Ей оставалось всего две недели, и она хотела оставить о себе добрую

память, сделав хоть что-то хорошее, и была твердо намерена попытаться осуществить свой план.

Глава шестая

Посещение доктора Кардью заставило Клару задуматься. Никаких кроликов или морских свинок держать в Грейндже, конечно, не разрешат. Правилами Совета это категорически запрещено. А как насчет музыкальных инструментов? Ведь только слепой не заметил бы, с каким наслаждением Рита слушала скрипку. Со скрипкой, пожалуй, ничего не выйдет (и сам инструмент слишком дорог, и научиться на нем играть слишком сложно), но что, если выбрать что-нибудь поменьше или попроще? Старинную флейту, например? Или свистульку? Или маракас? Да и сама идея уроков музыки казалась Кларе вполне осуществимой. Мало того, сулящей явные преимущества. Музыка *им всем* пошла бы на пользу.

– Ты когда-нибудь играл на каком-нибудь музыкальном инструменте? – спросила она за завтраком у Алекса.

– Профессионально?

– Хм... нет, просто для себя?

– Нет, вообще никогда.

– А хотел бы научиться?

Алекс поскреб подбородок, подумал и заявил:

– А что! Говорят же, «кто не рискует, тот не пьет шампанского»!

Клара позвонила миссис Харрингтон.

– Воздействие музыкального образования на детей трудно переоценить, – убеждала она ее. – Музыка способна совершенно их преобразить. – Она заранее подготовилась к этому разговору и говорила без запинки. – Не мог бы Совет обсудить возможность выделения Грейнджу некой небольшой суммы для покупки нескольких простеньких музыкальных инструментов?

Миссис Харрингтон в ответ рассмеялась своим сочным смехом, и Клара быстро прибавила:

– Хотя бы крохотных грошовых свистулечек?

– Мисс Ньютон, вы вряд ли достаточно ясно осознаете свое положение. Поймите, вы – да и мы тоже! – весьма ограничены в финансовом отношении. Мне трудно даже представить, какова будет реакция Совета, если я изложу вашу просьбу о покупке каких-то легкомысленных свистулечек! Учтите, все, что будет выходить за рамки бюджета, бухгалтерия станет вычитать из вашей зарплаты. – И Клара с тоской поняла, что ее затея обречена. Ее зарплата в «Шиллинг Грейндж» вовсе не была совсем уж нищенской, особенно для молодой женщины, но все же была невелика. При такой зарплате нечего и думать о покупках детям чего-то сверх положенного по закону. Это попросту невозможно. А если попытаться сэкономить, то придется долгое время самым жалким образом во всем себя ограничивать. Нет уж! И это еще одно свидетельство того, что работа в детском доме ей не подходит.

– Кстати, как там поживает ваш очаровательный сосед? – переключилась на излюбленную тему миссис Харрингтон. – Вы ему передайте, что мне еще кое-что починить нужно.

Клара пообещала, что непременно передаст, точно зная, что делать этого не будет. Ни за что! Она им не сводня какая-нибудь!

Но хотя разговор с миссис Харрингтон и разочаровал Клару, она по-прежнему мечтала до отъезда раздобыть хоть какой-нибудь музыкальный инструмент. Да, она совершила ошибку, приехав сюда, и почти сразу ухитрилась заставить одних детей расплакаться, а других – рассердиться, но, если бы сейчас ей удалось сделать для них хоть что-то действительно хорошее, она уехала бы со спокойной душой.

* * *

Телефонный разговор с Джуди в ту ночь, когда Клара чуть не уехала из Лавенхэма, настолько ее задел, что она довольно долго не звонила подруге. А когда, наконец, позвонила, то Джуди опять была прежней, и тон у нее был теплый, заинтересованный, так что Клара о своей обиде решила забыть.

– Только флейту в любом случае не покупай, – мрачно прокомментировала Джуди музыкальные планы Клары. – Флейта – вот поистине дьявольский инструмент! Между прочим, Артур советует тебе поискать на аукционах.

Артур говорит, Артур советует... Джуди теперь практически ни одной фразы не могла произнести без упоминаний об Артуре.

Затем – и это Джуди предложила сама – она пообещала съездить в фамильный дом Ньютонов в Лондоне и проверить, там ли отец Клары, а если его нет, незамедлительно об этом Кларе сообщить. Клара с тоской подумала, что неплохо было бы после 14-го октября вернуться в свою старую комнату и начать новую, свободную от каких бы то ни было обязательств, жизнь. Она, правда, не очень-то верила, что отец уехал насовсем. В прошлый раз он вернулся неожиданно, обрушился как снег на голову и первым делом заявил своей единственной дочери, что все это время его не покидала мысль (и он постучал по собственному лбу) о необходимости «покончить с этими нецивилизованными туземцами» и переехать на родину, для чего у него имеется «право Блайти»⁹. «Здесь, по крайней мере, чашку приличного чая можно выпить», – сказал он.

А под конец Джуди сказала, что если Кларе действительно будет некуда деться, то она, пожалуй, и у них может остановиться, хотя Артур от этой идеи по-прежнему не в восторге, так что, пожалуйста, на этот раз это не больше, чем на три дня.

На три дня?

После гибели Майкла Джуди стала ее опорой, надежной, как скала. Она заботилась обо всем – чтобы Клара вечером непременно поела, чтобы утром она вовремя встала, чтобы не забыла умыться. Она стала самой верной ее союзницей, а ее поддержка выходила далеко за рамки простых предписаний долга. Джуди оставалась ей преданным другом и после окончания войны, когда уже ушла из фирмы «Харрис и сыновья» и стала работать в школе «Ханиуэлл», о чем давно мечтала. И тут ей подвернулся демобилизованный Артур, весь такой красивый и, разумеется, *тоже* герой, награжденный крестом Святого Георгия – в общем, если Айвору Дилани действительно удалось спасти двадцать человек, то Артур, судя по всему, должен был спасти никак не меньше тридцати! Артур создал при начальной школе Св. Девы Марии популярный клуб для людей, занимающихся надомной работой, и после этого отношения Клары и Джуди никогда уже не были прежними.

– Увидишь, он максимум через два-три года директором школы станет! – заявила тогда Джуди почти с восторгом, хотя еще совсем недавно была бы скорее раздражена тем, как мужчина-новичок, с легкостью перепрыгивая через несколько ступенек, движется вверх по карьерной лестнице, оставляя позади женщин с многолетним опытом преподавательской работы.

Клара так толком и не сумела поладить с Артуром. А он заявил Джуди, что причина Клариной неприязни к нему в банальной ревности: у Джуди теперь есть муж, а у Клары нет. Самато Клара считала, что причина отнюдь не в этом, но спорить с человеком, который абсолютно уверен, что он всегда и во всем прав, было бессмысленно.

⁹ Закон, принятый во время Первой мировой войны и дающий право получившему тяжелое ранение на фронте вернуться на родину.

* * *

Через несколько дней вечером, возвращаясь с почты, Клара и Алекс столкнулись с мистром Уайтом, который выгуливал Бандита.

– У меня был неприятный опыт общения с собаками, – смущенно сказал Алекс, сторонясь пса, но Клара подбодрила его и предложила погладить Бандита. Алекс, хоть и не сразу, но все же осмелился это сделать, и Бандит радостно откликнулся на его ласку. Вскоре они уже стали друзьями. Алекс так и сиял. А Джулиан, подмигнув Кларе, сказал:

– Даже и не знаю, мисс Ньютон, кого вы больше рады видеть – меня или Бандита.

Клара сказала, что *одинаково* рада видеть их обоих, поскольку старается не обзаводиться любимчиками. Джулиан рассмеялся и сказал:

– Как же это приятно, когда женщина обладает чувством юмора! – И Клара покраснела, потому что даже не думала шутить.

Джулиан выглядел чрезвычайно элегантно в своем кремового цвета костюме. Его шляпа и рубашка были подобраны, естественно, в тон, и Клара пожалела, что не надела какое-нибудь более нарядное платье, гораздо лучше на ней сидящее – вроде того, в каком она была, когда впервые встретила с Джулианом в саду. Впрочем, он и сегодня окинул ее беглым, но внимательным, *оценивающим*, взглядом. *Он так смотрит всего лишь потому, что в этом захолустье молодых женщин маловато*, напомнила себе Клара. В Лавенхэме, пожалуй, только она да миссис Гаррард еще не достигли тридцати. Этот «прудик» слишком мал для *романтичной* рыбной ловли.

Когда Клара спросила у мистера Уайта, не знает ли он, где можно подыскать какой-нибудь недорогой музыкальный инструмент, он, минутку подумав, сказал:

– Да у нас в конторе, по-моему, где-то старое пианино имеется.

Клара удивилась: неужели его «контора» настолько велика, что он не уверен, есть ли «где-то» пианино. Но нет, он явно говорил серьезно.

– Пожалуй, пианино – это слишком. Во-первых, я не смогу позволить себе за него заплатить, и потом... Видите ли, мистер Уайт, я имела в виду что-нибудь вроде старинной флейты...

– Ради бога, только не флейта, Клара! – тут же твердо прервал ее он и даже руку ко лбу поднес. – Считайте, что пианино полностью в вашем распоряжении, но при одном условии: в воскресенье вы должны будете со мной позавтракать.

Последние четыре года Клара всегда отвечала мужчинам, приглашавшим ее позавтракать, или поужинать, или на танцы, или в паб (один раз ее пригласили прямо на автобусной остановке на площади Элефант энд Касл¹⁰), одинаково: «Спасибо большое, но я не готова».

Она уже собралась произнести свою коронную формулу, лишь слегка подсластив ее сожалением, когда вдруг подумала: *А почему бы и нет? Почему бы мне и не позавтракать с этим мистром Уайтом, солиситором? Почему бы не попробовать сделать свою жизнь хоть чуточку разнообразнее?*

Майкла больше нет, и что-то незаметно, чтобы здесь ее без конца куда-то приглашали.

И потом, мистер Уайт всего лишь предлагает ей вкусно поесть. И фортепиано, что, конечно, очень важно. Когда она в последний раз вкусно и досыта ела? Трудно было бы сейчас ему отказать и при этом не выглядеть излишне чванливой. К тому же у него имеется Бандит, в которого просто невозможно не влюбиться. Удивительно дружелюбный глазастый пес, который при виде ее всегда радостно машет хвостом. И в это воскресенье она *как раз* свободна, ее подменит сестра Грейс, которая стала для нее просто спасительницей. Сестра Грейс всегда дочи-

¹⁰ Elephant and Castle («Слон и замок») – площадь в Лондоне, место пересечения шести оживленных улиц, названное так в честь старинной гостиницы.

ста отскребаёт плиту, повсюду подметает пол и вытирает пыль, а также непременно приносит детям какие-нибудь лакомства, охотно выслушивает бессвязные жалобы Риты и искренне восхищается танцами Пег.

– Я обдумаю ваше предложение, – с улыбкой ответила мистери Уайту Клара.

Он улыбнулся, шепнул: «Вот и молодец, девочка!», и эти слова вызвали у Клары приятное смущение.

* * *

– Неважные у нас новости, – вздохнула мисс Бриджес, в очередной раз посетив «Шиллинг Грейндж». – За полгода Совету Норфолка удалось пристроить в приемные семьи пятьдесят восемь детей. Это примерно пятая часть общего количества тамошних сирот.

– Но это, по-моему, очень хороший результат, не так ли?

Мисс Бриджес как бы нехотя согласилась:

– Да, неплохой. Но нам нужно действовать более активно. Иначе Совет Саффолка будет выглядеть некомпетентным по сравнению с советами других графств.

– Так это соревнование?

– Нет, что вы! – притворно возмутилась мисс Бриджес, потом рассмеялась и сказала: – А впрочем, Клара, можете и так это называть.

Чуть позже мисс Бриджес рассказала, как провалился вполне удачный план с удочерением Терри. Эти люди – «очень милые, соль земли» – в итоге решили усыновить мальчика. («Как вы думаете, откуда? Разумеется, из Норфолка!») А якобы родственник Алекса оказался ему никаким не родственником. «Сплошные тупики», – жаловалась мисс Бриджес.

* * *

Через несколько дней Клара уже наблюдала за тем, как ловко двое рабочих извлекают на свет божий пианино, «затерявшееся» в адвокатской конторе – «Осторожней! Не заденьте корзинки с цветами!». Инструмент перетащили через улицу в Грейндж и оставили перед крыльцом к удивлению немногочисленных прохожих. К сожалению, входная дверь оказалась слишком узкой, и рабочие, сочтя свою работу выполненной, отправились по домам ужинать. Им, в конце концов, ведь только за доставку заплатили.

Айвор следил за их действиями из окна мастерской, и Клару страшно раздражало, что именно он является ее ближайшим соседом. Теперь-то она уже знала, что в городе немало и других, куда более приятных людей. Например, доктор Кардью, или работник автозаправочной станции, или хозяин мясной лавки – все они громко здоровались с Кларой, когда та проходила мимо, и точно так же поступали женщины, работавшие в пекарне, и супруги, владевшие бакалейной лавкой, и заведующая почтовым отделением – та однажды даже бежала за Кларой, случайно забывшей на почте книжечку с марками, а потом сказала ей: «Это просто чудо – то, что вы делаете для детей! Да благословит вас Господь!» Клара так смутилась, что даже ответить не сумела. Да и какой смысл объяснять всем этим людям, почему она хочет уехать? Лучше уж постараться ускользнуть отсюда незаметно.

Когда Кларе и детям удалось, наконец, наполовину втиснуть пианино в дверной проход, Айвор из мастерской куда-то исчез. Но через десять минут появился уже возле их крыльца, явно собираясь торжествовать.

– Мы сами отлично справимся, мистер Дилани! – *Нет, этот человек просто удивительно настырен!*

– Да, конечно, только оно, похоже, намертво застряло. – Айвор немного отошел от крыльца, полюбовался содеянным ими и спросил: – Ну, и что вы теперь собирались делать?

– Расколотить это чертово пианино на куски! – завопил Барри, и Клара тут же отправила его в спальню за употребление бранных слов. Он послушался, но тащился нехотя, пиная носками башмаков землю. Барри порой бывал таким зловредным, что просто не сладить.

– Нельзя же его тут, в дверях, оставить, – сказал Айвор.

– Это и без вас ясно. – Клара вздохнула. Стычка с Барри – да еще и в присутствии Айвора – ее расстроила. Ей так хотелось выглядеть компетентной, *тем более* перед Айвором.

А он тем временем обследовал инструмент со всех сторон, даже под него залез. Да у него же явный «комплекс героя», решила Клара. Еще бы, двадцать человек в Дюнкерке спас, а тут *какое-то* пианино!

Внезапно он с громким криком, действуя одной рукой, буквально выдернул застрявший в дверях инструмент и вынырнул из-под него. Шляпа, естественно, у него с головы свалилась, волосы прилипли ко взмокшему лбу. Только сейчас Клара заметила у него под глазами темные мешки и вдруг поняла, что никакой прежней враждебности к нему не испытывает.

Она подняла его шляпу и подала ему, а он спросил:

– Нет ли другого места, куда этот инструмент можно поставить?

– А что, если в садовый сарай? – предложил Алекс.

Клара думала, что Айвор найдет это предложение смешным, но он неожиданно похвалил Алекса и даже по волосам его потрепал.

– У этого парнишки такой острый ум, что он сам того и гляди обрежется!

– Мистер Дилани, – засомневалась Клара, – вряд ли из этого что-нибудь получится.

– Ничего страшного. Вдоль стены дома мы сами его перетащить сумеем. Алекс прав: если сарай очистить от всякого барахла, там будет вполне просторно. А уж я позабочусь, чтобы крыша не протекала. – Он посмотрел ей прямо в глаза. – Впрочем, решать вам. Хотя, по-моему, просто жаль было бы позволить ему тут гнить.

Айвор шел задом наперед и тянул фортепиано за гужи. Клара ему помогала, в основном задавая направление сбоку. Ей удалось довольно быстро вытащить из сарая целый ящик детских противогазов и расчистить место рядом с ржавой садовой тачкой и еще более ржавой пилой. Затем она принесла из гостиной стул, и оказалось, что он именно той высоты, какая необходима. Само по себе пианино казалось ей очень красивым. Спасибо Джулиану за его доброту!

Клара принесла Айвору чашку чая прямо в сарай – он так им помог! Она была очень ему благодарна, а потому постаралась выбрать для него наименее щербатую чашку.

Рита пробежала пальцами по клавишам. Пег от нетерпения подскакивала то на одной ноге, то на другой. Питер, сунув голову в дверь и залившись румянцем, воскликнул:

– Господи, мне и в голову не могло прийти, что у нас тут нечто подобное появится! Спасибо вам, мисс Ньютон!

А через несколько минут даже Морин не выдержала:

– Ого! Роскошь какая! Значит, мы теперь богачи?

– Это значит, что мисс Ньютон вовсе не так глупа, как кое-кому казалось, – заметил Айвор, и Морин покраснела.

А Клара рассердилась. Похоже, эти двое не раз тайком ее обсуждали!

Айвор неторопливо прихлебывал чай, и Клара старалась на него не смотреть. И особенно – не замечать отсутствия у него одной руки.

– Значит, вы будете учить детей играть на фортепиано, Клара? – спросил он.

– Да я ни одной ноты сыграть не могу, – призналась она. – Мои родители в музыку не верили.

– Господи!

– И сквернословия они очень не одобряли.

Айвор рассмеялся.

- Бедный Билли! Он что, до сих пор в спальне сидит?
- Это Барри. Нет, он извинился, и я его выпустила.
- Рита спросила, можно ли ей будет научиться играть на фортепиано.
- Вот мама бы удивилась!
- Айвор, вопросительно подняв брови, посмотрел на Клару.
- Конечно, можно, – сказала Клара. – Только нужно будет хоть какие-нибудь ноты найти.
- И учителя музыки? – стояла на своем Рита.
- Я... да, наверное, и учителя.

Когда дети разбрелись по своим делам, Клара устало плюхнулась на стул и уронила голову на руки.

– Господи, я же совершенно ничего не продумала!

Айвор сочувственно улыбнулся.

– Ну, ничего, все образуется. И учитель со временем подвернется. Возможно, когда вы менее всего будете этого ожидать.

– Но я же не смогу ему *платить!* – в отчаянии воскликнула Клара. – Себе я этого никоим образом позволить не могу. Я разве что «Начальную школу игры на фортепиано» могу купить. Мне ведь приходится выпрашивать у Совета денег на каждую новую пару дешевых парусиновых туфель на резиновом ходу, на каждую курточку, и то в половине случаев они твердо говорят «нет». Если бы у меня зарплата была побольше, я бы и сама все это купила, но... – Она вдруг смутилась. Она уже жалела, что вдруг так разоткровенничалась с самым нелюбимым своим соседом. – Платят-то мне маловато.

– Зато вы, по-моему, отлично со всем справляетесь. И делаете даже больше, чем можете.

– Спасибо. И потом, сад у нас просто чудесный, правда?

– О да! А уж как Терри его любит! Вы ведь знаете, что она просто помешана на цветах и всяких растениях?

Клара вспомнила, как Терри смотрела на подсолнухи в витрине цветочного магазина и как эти желтые «солнышки» отражались в ее блестящих от восторга глазах.

– Знаю, – кивнула она и благодарно улыбнулась Айвору. Надо будет непременно прибавить эту «любовь к растениям» к характеристике Терри.

– Алекс мне говорил, что по воскресеньям у вас бывает немного свободного времени? Что-то вроде выходного?

– Да, раз в две недели. Меня тогда подменяет сестра Грейс.

Айвор, сунув большой палец под подтяжки, покачался с пятки на носок и сказал:

– Раз в месяц я езжу на рынок в Феликстоув. Я там свои изделия продаю. И в этот уик-энд собираюсь поехать. Алекс интересовался, можно ли ему тоже поехать.

– Ой, это, наверное, так здорово!

– Ничего здорового в этом нет. – Айвор засмеялся и щелкнул подтяжкой. – Хотя это довольно забавно.

– Ну, если Алекс хочет поехать, так пусть едет.

– А еще Алекс интересовался... – Айвор почему-то стал слегка заикаться. – В общем-то, мы оба интересовались... Может, и вы захотите к нам присоединиться?

Клара смутилась, покраснела и пролепетала:

– Ох, даже не знаю... Вы ведь *действительно* так нам помогли... Можно сказать, руку помощи протянули... В общем, спасибо вам большое, и я, конечно же, с удовольствием поеду. – И тут она вдруг вспомнила: – Господи, извините, я же совсем забыла, что уже... пообещала мистеру Уайту позавтракать с ним в это воскресенье.

– Ах, вот оно что.

– Это просто в порядке благодарности. За фортепиано... – Клара совсем смутилась и умолкла.

– Ничего страшного. В другой раз вместе съездим. – Айвор, откинув упавшие на лоб волосы, улыбнулся ей. Ах, эти карие глаза, которые все замечают!

– Вы знаете, – решила Клара, – мне, наверное, сразу следовало бы вам сказать... Я ведь подала в Совет заявление об уходе. Четырнадцатого я уезжаю.

– Четырнадцатого чего?

– Октября. – Клара смущенно улыбнулась. А он, интересно, какой месяц имел в виду?

– Но ведь это же совсем скоро...

– Не так уж и скоро. Еще целых десять дней.

Он, прищурившись, смотрел на нее, словно что-то обдумывая. Видимо, он, как и доктор Кардью, решил, что она тут навсегда останется? Ну, вот и нечего зря предполагать, если ничего не знаешь! Неужели эта война их такому простому правилу не научила?

– Ну что ж, прекрасно! – Он резко встал и схватил свою шляпу. – Я ухожу, мисс Ньютон.

– Я думала, вы будете довольны.

– Д-довolen? – Он был так возмущен, что даже заикаться стал. И не сразу нашел нужные слова. – По-моему, это просто... омерзительно!

– Что вы хотите этим сказать?

– Да, омерзительно! Сколько таких, как вы, сюда уже являлось! Приезжают, уезжают, а на детей им плевать! Все вы, в том числе и этот ваш Совет, понятия не имеете, чем вы должны здесь заниматься. Разве я не прав? По крайней мере, в былые времена, пока здесь всем заправляли монахини, забота о детях-сиротах считалась актом любви к ближнему, проявлением внимания и сочувствия, а не просто *работой*, за которую в конце недели чек выписывают. Я был о вас лучшего мнения, Клара.

– Но ведь я уезжаю *именно потому*, что мне не все равно! – Клара была настолько потрясена, что неожиданное признание само собой сорвалось у нее с языка. – Я *совершенно* не гожусь для работы с детьми. А эти дети тем более заслуживают куда лучшего воспитателя. Я же просто... Как вы там меня называли? Тупая канцелярская крыса!

Айвор не ответил и, громко топая ногами, пошел прочь и с грохотом захлопнул за собой боковую калитку.

* * *

На следующее утро Клара позвала Терри в сад. Та, ссутулившись и сунув руки в карманы шортов, устала на свои грязные башмаки.

– А что я такого сделала?

– Ничего, а почему ты спрашиваешь?

– Мне часто говорили, что я плохая, когда я что-то делала не так, хотя я даже и не знала, что именно не так. А потом меня обычно наказывали – запирали в темной кладовой.

Терри рассказывала монотонно, словно бесконечно уставшая от жизни старуха. Клара просто не находила, что ей ответить. Больше всего ей хотелось просто погладить Терри по голове, она даже руку к ней протянула, но потом передумала и сказала:

– Терри, запомни: ты *совсем не плохая*. Я знаю, что ты любишь бывать в саду, и мне показалось, что тебе интересно было бы самой что-нибудь тут вырастить. Вот я и подумала: может, ты захочешь выбрать себе какой-нибудь небольшой участок и посадить там то, что тебе больше нравится?

Во время войны Кларе не раз доводилось видеть, как парки превращаются в фермы, а частные садики – в куриные загоны. Все это тогда разрешалось вполне официально.

Но Терри вдруг разразилась слезами. Клара некоторое время смотрела на нее, не зная, что делать, потом нервно спросила:

– Тебе моя идея не нравится?

Девочка пылко обняла Клару за талию.

– Спасибо!

Цветочный магазин миссис Гаррард они обошли стороной, но неподалеку был еще один, где продавались не только цветы, но и рассада. Этот магазинчик был как бы частью жилого дома со своим садом, обнесенным оградой. Торговала там милая пожилая пара. Они охотно продали им рассаду и семена – а кое-что просто подарили, – и надавали множество советов.

– Вообще-то с огородом вам надо бы поспешить, время-то уже почти вышло.

Хозяева магазина, разумеется, вовсе не имели в виду скорый отъезд Клары, но она все равно покраснела. Она и так все время старалась не думать о том, как раньше бедняжка Терри проливали слезы в своей темнице, посаженная туда ни за что, однако прогнать этот печальный образ ей никак не удавалось.

* * *

Клара понимала, что должна сказать детям, что уезжает, и объяснить, почему это делает. Они все больше к ней привыкали (они успели *даже слишком* к ней привыкнуть!), и она очень жалела, что раньше не сказала им о своем грядущем отъезде. Пожалуй, думала она, я подсолнательно и это фортепиано, и этот огородец для Терри воспринимаю как некую компенсацию.

Было уже начало октября, и четырнадцатое число более не казалось ей ни далекой звездой, ни финишной лентой; скорее уж она воспринимала его как некую мрачную тень неведомого будущего, которое все ближе и ближе. Беспокоила ее и неприязненная реакция Айвора. Она считала, что поступает правильно, собираясь уехать и расстаться с этой работой, *для которой совершенно не годится*. Теперь оставалась *последняя неделя*. Клара понимала, что ей было бы гораздо легче, если бы она знала, что после ее отъезда дети окажутся в хороших руках. И если бы перед глазами у нее без конца не вставали горестные картины, что кого-то обидели зря, на кого совсем не обращают внимания, а кого-то наказывают без вины, запирая в темном чулане. И если бы она знала, что ее ждет в Лондоне, найдется ли там место, где она сможет остановиться. И если бы каждый раз, навещая их, мисс Бриджес не делала невзначай замечаний, вроде «еще не поздно передумать» или «как хорошо вы с ними ладите, Клара».

В тот вечер она наконец-то собралась с духом и сказала детям, что возвращается в Лондон. Рита, конечно, сразу принялась плакать, без конца повторяя «почему?» и «мама», а потом умолкла, закрыв руками лицо.

– Потому что мне кажется, что кто-то другой будет справляться с этой работой лучше, чем я. Мне куда больше подходит канцелярская работа – всякие там отчеты и графики. Это я хорошо умею делать, – пыталась объяснить детям Клара. – А вот руководить детским домом у меня плохо получается. Вы заслуживаете лучшего воспитателя, – с виноватым видом прибавила она.

Пег вдруг перестала виснуть у Клары на руке и понеслась вверх. И Клара почувствовала странную боль в том месте, которое только что сжимали детские ручонки.

– А чем вы собираетесь заняться в Лондоне? – вежливо спросил Алекс.

– Еще толком не знаю, – призналась Клара. – Я бы очень хотела вернуться на свою прежнюю работу, но из этого вряд ли что получится.

– Разве это разумно – сосредотачиваться на том, чего быть не может? – спросил этот юный философ и тут же поправился: – Надеюсь, вы найдете то, что вам по душе, Клара.

Господи, ну просто настоящий университетский профессор, только маленький!

Билли спросил у Барри, не видел ли тот, куда подевался его «счастливый каштан», и сказал, что если это Барри его взял, то он его просто убьет, и Барри тут же на него напрыгнул. В общем, Кларе стало ясно, что особого воздействия на жизнь близнецов она не оказала. Ну и хорошо, значит, и скучать они о ней не будут.

– А ты что думаешь, Питер? – немного нервничая, спросила она. Мнение Питера имело для нее особое значение.

Питер этого вопроса не ожидал и удивленно посмотрел на нее, перестав намазывать хлеб маслом.

– Хорошие воспитатели никогда здесь надолго не остаются.

Морин пихнула его локтем в бок, так что он даже нож выронил, и хрипло выкрикнула, щелкнув его по уху:

– Я же тебе говорила! Теперь ты мне шиллинг должен!

* * *

Джуди предположила, что дети так вяло прореагировали на грядущий отъезд Клары просто потому, что привыкли к бесконечным появлениям и исчезновениям воспитателей, но это не помогло. Клара и сама толком не понимала, почему ей так грустно и тяжело. Да и чего она, собственно, ожидала? Она же знала, что дружеские отношения строятся прежде всего на доверии, а она детям солгала; ну, по крайней мере, слишком долго ничего им не говорила, вот и разрушила их доверие. *Я никогда больше так не поступлю!* – твердила она себе. – *Никогда!*

Однако и Джуди была не права: дети, похоже, были огорчены *по-настоящему сильно*. Не удивлены, не опечалены, а просто покорно приняли очередной удар судьбы. Словно и не ожидали ничего лучшего, а она лишь доказала, что они были правы, предполагая, что она сбежит.

Реакция Терри оказалась наиболее болезненной. Она, как всегда, была в саду, когда Клара сообщила остальным о своем отъезде, так что Кларе пришлось побеседовать с ней отдельно, перед сном. Терри могла уснуть, только спрятав руки и ноги под одеяло – она боялась, что иначе дьявол до них доберется.

– Я думала, думала... – пролепетала она в ответ на откровения Клары.

– Что ты думала?

– Я думала, что мы будем все выращивать вместе.

И после этих слов умолкла и застыла, словно превратившись в неодушевленный предмет.

Глава седьмая

Мистер Уайт, или *Пожалуйста, называйте меня Джулиан*, обладал не просто привлекательной, но и весьма благородной внешностью. Кстати, оказалось, что он старше, чем предполагала Клара. Как он сказал ей в машине, ему уже стукнуло пятьдесят. Пятьдесят! Хотя, возможно, это просто звучит так впечатляюще. Отцу Клары тоже было пятьдесят с хвостиком, хотя он-то, пожалуй, выглядел как раз старше своего возраста.

Именно благодаря возрасту Джулиану удалось избежать всеобщей мобилизации. Когда он Кларе об этом рассказывал, легко было предположить, что в последние десять лет ему приходится довольно часто давать подобные объяснения.

Он, впрочем, служил в «Хоум гард»¹¹, где обрел тех, кого называл «друзьями на всю жизнь». Кларе понравилось, как он об этом рассказывал. Это свидетельствовало о том, что Джулиан – человек верный. Майкл тоже очень дорожил своими друзьями.

Поездка в Сент-Эдмундз Кларе очень понравилась. В одном из оврагов Джулиан вброд переехал через реку, вода плескалась чуть ли не под самыми окнами автомобиля, и Клару почему-то привело в восторг то, что кто-то так рискует, желая доставить ей удовольствие, и *одновременно* о ней заботится.

Мне это было просто необходимо, – думала она. С тех пор, как она оказалась в «Шиллинг Грейндж», ее не покидало ощущение, словно часть ее самой куда-то исчезла, поглощенная нуждами детей и заботой о них. И сейчас, без детей, она как бы восстанавливала собственную целостность. Ей казалось, что она уже привыкла к постоянной усталости – теперь она почти не просыпалась, когда кто-то из малышей проскальзывал к ней под одеяло, и в полусне, прямо как лунатик, меняла кому-то простыни, а кого-то уговаривала, что за ним никто не гонится, что он не падает с утеса, что это «просто плохой сон приснился», – но сейчас, оказавшись вдали от Грейнджа, она начинала понимать: она не привыкла к усталости, а просто научилась по минимуму расходовать запас собственных сил.

У Джулиана был красивый профиль; аккуратные черты лица. А маникюр на пальцах, уверенно сжимавших ручку переключения скоростей, заставлял Клару думать – а может, надеяться? – что этот ланч задуман *не только* из-за фортепиано. Слишком давно она ни с кем не флиртowała, хотя бы мимолетно.

Городок Сент-Эдмундз, правда, немного ее разочаровал. Местечко было очень симпатичное, но Клара отчего-то испытывала беспокойство. Видимо, ей хотелось куда больших перемен по сравнению с Лавенхэмом. Было что-то удушающее в том, что этот городок оказался почти близнецом Лавенхэма, ведь иногда человеку хочется неожиданно наткнуться на нечто не столь идеальное, может быть, даже разрушенное или неправильное. У нее было такое ощущение, словно она надела пальто, которое, будучи застегнуто на все пуговицы, оказалось ей немного тесновато. Во всяком случае, она именно так ощущала себя здесь и даже попыталась объяснить это Джулиану, но так и не сумела толком сформулировать свою мысль.

Он понял это по-своему и сказал:

– Зато здесь и магазины гораздо лучше, и пабы тоже.

* * *

Джулиан, как выяснилось, планировал вовсе не поход в ресторан, а пикник.

– По-моему, душный зал ресторана вам показался бы страшно скучным!

¹¹ Home Guard – войска местной обороны, ополчение периода Второй мировой войны, вначале добровольное.

Клара, впервые за несколько лет предвкушавшая некую роскошную трапезу, лишь загадочно улыбнулась.

– В ресторан мы с вами ходим как-нибудь в другой раз, мисс Ньютон. – Приятно, что он все еще строит какие-то планы, хотя она давно ему сказала, что буквально через несколько дней уезжает, думала Клара. Это и бодрит, и волнует. – Надеюсь, вы не откажетесь еще разок куда-нибудь со мной сходить?

Хотя в целом он держался несколько хвастливо и чересчур самоуверенно, Клара с удивлением обнаружила, что в обращении с ней он довольно застенчив. Вероятно, он привык больше общаться с мужчинами, да и характер у него типично мужской, решила Клара. Впрочем, она сочла это положительным качеством. Кому нужен дамский угодник? Таким и доверять нельзя, и отвязаться от них невозможно.

– Я как-нибудь свожу вас в самый модный лондонский магазин. Мне так хочется увидеть вас наряженной с головы до ног.

А наряжаться Клара *действительно* очень любила. Благодаря этому она и с Майклом познакомилась – на той вечеринке он был со своими друзьями из восьмого полка ВВС, а ее пригласили друзья Джуди. Они тогда понравились друг другу с первого взгляда, и он сразу же заявил: «На вас я могу смотреть только в темных очках, настолько вы ослепительны!» Майкл в любой ситуации был способен изречь какую-нибудь банальность, но, честно говоря, в тот вечер Клара *и впрямь* выглядела замечательно.

К сожалению, из задуманного Джулианом пикника мало что получилось – уж больно пасмурным и холодным оказался день, – и в итоге они устроились в кафе-кондитерской. Если Джулиан и беспокоило состояние тех замечательных продуктов, которые он заботливо сложил в корзину для пикника, так и оставшуюся на заднем сиденье автомобиля, то он этого никак не показал. А кондитерская была просто чудесная – много воздуха, на столах белоснежные ска-терти, бокалы так и сверкают. Клара, пожалуй, даже испытала облегчение. Нет, она, конечно, любила прогулки на воздухе, но не слишком длительные.

И сейчас она с удовольствием замечала, какие улыбки расцветают на лицах официанток в белых передничках и шапочках, когда Джулиан к ним обращается. Дело в том, что он не *отдавал приказания*, а вежливо спрашивал, нельзя ли, например, передвинуть столик так, чтобы Клара могла из окна любоваться природой. Один раз, правда, он попросил заменить им бокал, обнаружив на его сверкающей поверхности чей-то отпечаток пальца – «Нет, этот не годится, принесите, пожалуйста, другой».

Он ни разу не допустил ни малейшей грубости. Наверное, именно поэтому официантки и старались вовсю, обслуживая их лучше всех.

И потом, он определенно был очень обаятельным. Интересно, думала Клара, почему он не женат? И почему у него нет детей? Среди ее знакомых не было никого, кто в пятьдесят лет не был бы женат и не имел бы детей – хотя, если честно, выглядел Джулиан намного моложе мисс Бриджес, которая, по всей видимости, была примерно его ровесницей.

Позднее, в машине, по дороге домой, они лакомились шоколадом, который Джулиан захватил специально для Клары, когда он вдруг сказал:

- Возможно, это преждевременно, но я хотел бы понять, каково мое положение.
- Что вы имеете в виду?
- Скажите, Клара, вас интересует перспектива наших дальнейших отношений?
- Вы же знаете, Джулиан, что я на следующей неделе возвращаюсь в Лондон.
- До Лондона всего час езды.

– Ну, на поезде несколько дольше! – с легким раздражением возразила она. *С чего это она опять стала такой раздражительной?* Она заставила себя встряхнуться и уже гораздо спокойнее сказала: – Наверное.

– Но ведь вы могли бы и остаться, не так ли? – словно вдруг охрипнув, добавил он. – Спорить готов, в Совете пока что не выстроилась очередь из желающих вас заменить.

Клара просто не знала, что сказать. *Может, мне действительно не стоит уезжать? Но как быть, если я уже подняла всю эту шумиху с отъездом?*

Что скажут дети?

До сих пор Клара такой вариант даже не рассматривала. Остаться? Нет, это просто невозможно.

Она снова посмотрела на Джулиана. Он, безусловно, умный, великодушный и щедрый человек. Солиситор. Его имя красуется на табличке, прибитой к дверям его собственной адвокатской конторы! И он наверняка никаких финансовых затруднений не испытывает.

Мысль о том, что в течение ближайших сорока лет ей придется ограничивать себя во всем и постоянно экономить, была настолько депрессивной, что Клара редко позволяла себе на ней задерживаться.

Джулиан также обладал неким, хоть и неярко выраженным, стремлением к отчуждению, и это казалось Кларе даже привлекательным после весьма близких и бурных взаимоотношений с Майклом. Кроме того, умирать в ближайшее время он явно не собирался, мало того, выглядел абсолютно здоровым и активным, и можно было предположить, что он и в постели окажется на высоте. Да и война давно кончилась. Клара уже на собственном опыте успела понять, сколь важны такие вещи, как здоровье и отсутствие войны.

Нет, она ни за что не позволит, чтобы кто-то снова разбил ей сердце! А потому, улыбнувшись Джулиану, она пробормотала что-то вроде: «Кто знает, что принесет нам будущее», а он, сняв одну руку с руля, поднес ее руку к губам и поцеловал в ладошку. Никто в жизни не целовал ее в ладошку – никто, даже Майкл.

– Вообще-то я очень терпеливый, – только и сказал он.

Глава восьмая

Как же чувствовалась смена времен года в сельской местности! Конечно, в Лондоне она тоже чувствовалась, но в Лавенхэме чередование времен года происходило с каким-то преувеличенным размахом. В начале октября дороги и улицы были устланы толстым слоем разноцветных опавших листьев, которые скапливались горами; дули холодные ветры, а воздух был напитан головокружительной смесью запахов – костра, корицы и близких снегопадов. Старшие дети учили малышей проделывать дырочки в конских каштанах, собранных под деревьями, и, нанизав каштаны на бечевку, играть в «Чей каштан крепче». Прошел слух, что у детей из «Шиллинг Грейндж» самые крепкие каштаны. Билли и Барри приходили домой с охапками выигранных призов. Какой-то незнакомый человек остановил Клару на улице и сообщил, что «ее дети» выиграли у «его Бернарда» все каштаны. Клара уже собралась извиняться, но он, вежливо коснувшись шляпы, с явным уважением сказал: «Впечатляет!», и прибавил: «Желаю им удачи!». Ее, правда, куда менее приятно впечатляло то, что теперь каштаны обнаруживались абсолютно везде: в постелях, на полу, в грязном белье.

– Кто вас научил так здорово играть? – спросила она как-то у близнецов.

– Каштановый чемпион! Наш Айвор!

Это ведь для них так важно, думала Клара. Она лишь недавно осознала, до какой степени Айвор включен в жизнь обитателей «Шиллинг Грейндж». Однако до отъезда у нее оставалось всего несколько дней, а ей еще нужно было со стольким разобраться, из стольких сложностей выпутаться. Жаль, что они с Айвором расстаются почти врагами. Но ведь он действительно оказался просто невыносимым!

Клара даже вещи свои до сих пор не сложила. На этом пункте ее словно заклинило; она тут же начинала думать, что работы у нее в Лондоне нет и жить ей негде, а при одной лишь мысли о том, что ей снова придется ночевать на диване в гостиной Джуди, разглядывая загадочный рисунок на ковре под пристальным вниманием Артура, она просто в ужас приходила.

На следующий день после свидания в кондитерской Джулиан неожиданно забежал в «Шиллинг Грейндж» и преподнес Кларе букет цветов. Он не требовал, чтобы она незамедлительно назначила день следующего свидания, но все же попросил сообщить ему, «когда она будет готова».

Из школы и из Совета стаями прилетали плохо напечатанные письма; похоже, в Совете так и не поверили, что она уезжает.

Известно ли мисс Ньютон о полезных свойствах печени трески и о тех жирных кислотах, что в этой печени содержатся?

Знает ли мисс Ньютон, как опасно заболеть полиомиелитом?

Занимается ли мисс Ньютон шитьем и починкой одежды? (Да, хотя она предпочла бы все это передать в руки Айвора, вот только все мосты, к сожалению, сожжены.)

Подала ли мисс Ньютон заявку на причитающиеся ей купоны?

В следующую среду будет производиться взвешивание детей.

Клара все свое свободное время посвящала тому, чтобы составить максимально полные отчеты о воспитанниках «Шиллинг Грейндж» и передать детей другому воспитателю без излишних эксцессов. Отчетами она как раз занималась почти с удовольствием, зато все остальное буквально валилось у нее из рук.

Чем ближе было четырнадцатое октября, тем больше Кларе нравилась ее работа в «Шиллинг Грейндж», чего в начале своего пребывания здесь она никак не ожидала. Ей было интересно слушать рассказы детей о том, как у них прошел день и что нового было в школе; ей было приятно, когда Билли и Барри притащили откуда-то целую банку пикулей, потому что она однажды обмолвилась, что пикули просто обожают (сами близнецы вволю наелись всего на празднике урожая); она вместе со всеми радовалась, когда они содрали с дома старую вывеску – «А Совету мы сообщим, что ее бурей унесло!». А уж как она была счастлива, когда Морин получила на экзамене семь очков из десяти возможных или когда Пег показала ей новый, только что разученный танец. Все эти события вызывали у Клары просто потрясающие чувства, хоть она и старалась убедить себя: *все это только из-за того, что я скоро уезжаю, а потому и воспринимаю каждую мелочь словно под увеличительным стеклом*. Но иногда ей все же казалось, что, может быть, следовало дать себе реальную возможность хорошенько распробовать и эту работу, и этот странный городок, напоминающий декорацию к какому-то фильму?

За два дня до отъезда Клара все же вытащила чемодан и принялась укладывать вещи, и тут в дверь позвонили. Оказалось, что это миссис Харрингтон, которая с порога заявила, что приехала «с великолепными новостями» относительно Риты. Клара, естественно, тут же спросила, что это за новости, но миссис Харрингтон, загадочно улыбаясь, сказала, что сперва должна сообщить их самой девочке. И Клара вдруг почувствовала необычайный подъем, у нее даже походка стала этакой пружинящей. Еще бы – именно такая высокая нота и была ей необходима, чтобы уехать с чувством выполненного долга.

Клара пошла за Ритой в садовый сарай, куда она теперь вместе с Алексом и Пег направлялась каждый день после школы. Им там нравилось; они танцевали, делали вид, будто умеют играть на фортепиано, и вообще занимались, чем хотели.

Пег попыталась увязаться за ними, чтобы посмотреть на миссис Харрингтон, но Клара ей не разрешила.

– В другой раз, Пег. – И она подмигнула маленькой молчалинице. Пег, естественно, подмигнула в ответ, и у Клары потеплело на душе. Какая чудесная девочка! Да, она, конечно, необычная, но Кларе казалось просто невероятным, что она так и не понравилась никому из потенциальных усыновителей; или, как это сформулировала мисс Бриджес, «ее такую очень трудно – а попросту невозможно – никуда пристроить».

Миссис Харрингтон, чувствуя себя у них на кухне как дома, уже пила чай из любимой чашки Клары.

– Ага, вот и ты, Рита! У меня есть кое-какие новости о твоей маме.

Темные глаза Риты вспыхнули. Она посмотрела на Клару в поисках поддержки, и Клара, сама взволнованная, ободряюще ей кивнула. Рита судорожно приладила волосы, закусила губу и приготовилась слушать.

Она давным-давно была к этому готова.

– Ну, как тебе уже известно, в ваш дом попала бомба, и твоя мама пропала, а тебе казалось, что ты помнишь, будто видела ее живой... я все правильно рассказываю?

– Да! – Рита больше не могла держать себя в руках. – Мама была вся в пыли и держалась за голову! Я видела! – Одной рукой девочка вцепилась в руку Клары, а вторую – чуть ли не все пальцы – засунула в рот и прикусила. От волнения она кусала не только собственные пальцы, но и ладонку, и Клара, стоя с ней рядом, тоже была сама не своя. *Вот оно!* – думала она. *Только такие события и делают работу здесь осмысленной!*

– В общем, нами были предприняты кое-какие расследования, и выяснилось, что твоя мама действительно погибла.

Кларе словно ледяной воды за шиворот плеснули. По всему телу побежали мурашки. Ей показалось, что снова началась война, что дом ее ближайших соседей был только что стерт с лица земли, что она опять не знает, что ей с собой делать... Нет – *это* было хуже.

Ах, Рита...

Рита долгое время стояла неподвижно, потом, скрючившись, вползла под согнутую руку Клары, и слезы покатались по ее пылающим щекам.

– Мама, – выдохнула она, и дыхание ее показалось Кларе влажным и несвежим. – Мама. Моя мама.

– Как вы думаете, девочка захочет взглянуть на свидетельство о смерти? – спросила миссис Харрингтон.

– Не думаю. – Клара просто поверить не могла, до чего эта женщина оказалась бесчувственной.

– А ты, Рита, особенно-то не переживай, – сказала миссис Харрингтон. – Не драматизируй это событие, ведь с тех пор уже столько лет прошло! И перестань так цепляться за мисс Ньютон, ты ведь знаешь, что она скоро уезжает. – И миссис Харрингтон неодобрительно покачала головой, а затем, обращаясь уже к Кларе и даже голос не понизив, сказала: – Вы просто не поверите, насколько у них эластичная психика, мисс Ньютон. Девочка вскоре привыкнет к тому факту, что ее матери больше нет, особенно если будет знать, что у нее самой все хорошо. А то, что вы уезжаете, для них даже лучше: они не успеют слишком к вам привязаться. Ну, вот и все, – и она подмигнула Кларе, – а теперь я, пожалуй, навещу своего любимого обойщика мебели.

После этого разговора Риту три раза вырвало; слезы так и катились у нее по лицу; все ее хрупкое тельце била дрожь. Клара придерживала девочку и отводила назад ее длинные волосы, когда бедняжку выворачивало наизнанку в ванной. Перепуганные Пег и Терри торчали в дверях. Затем Рита, совсем обессилив, легла прямо на пол, и Клара забеспокоилась: она боялась, что у нее не хватит сил отнести девочку в спальню.

– Тебе придется встать, дорогая, – уговаривала она Риту, и та вскоре действительно встала – точнее, заставила себя подняться, – а потом Клара отвела ее наверх, уложила в кровать и заботливо подоткнула одеяло со всех сторон. И тут Рита вдруг взмолилась:

– Пожалуйста, мисс Ньютон, хоть вы не бросайте меня! Не бросайте, пожалуйста!

– Ш-ш-ш, – прошептала Клара, испытывая острое чувство вины. – Ты теперь постарайся немножко поспать. После такого потрясения это необходимо.

* * *

Когда Морин вернулась из школы, Клара оставила с ней младших детей и бегом бросилась к телефонной будке.

– Алло! Алло! – Монеты одна за другой проваливались в щель счетчика – этот телефонный аппарат не имел ни малейшего представления о срочности.

Клара снова и снова бросала монеты, снова и снова набирала номер. Теперь десятизначный номер штаб-квартиры Совета она знала наизусть.

– Мисс Бриджес? Это Клара. Нет, все-таки вы непременно должны поставить нам телефон!

Голос мисс Бриджес звучал как-то невнятно.

– Вы только поэтому звоните, Клара? Видите ли, мы сейчас страшно заняты – серьезные проблемы с кладбищами. Не может ли ваш вопрос немного подождать?

Нет, – подумала Клара, *не может!*

– Мисс Бриджес, вы уже нашли мне замену?

Мисс Бриджес откашлялась.

– Мы настолько перегружены ра...

– Потому что, видите ли...

Черт побери! Связь, похоже, снова прервалась. Но вскоре телефон почему-то снова включился, причем самостоятельно, и мисс Бриджес восторженно завопила в трубку, хотя Клара и двух слов ей сказать не успела.

– Вот-это-ты-молодец-моя-девочка! Я так знала! Так вы остаетесь с нами, Клара?

– Да, мисс Бриджес. Если только не слишком поздно.

И она почувствовала, как мисс Бриджес улыбается на том конце провода.

– Никогда не бывает слишком поздно, Клара. Добро пожаловать обратно.

* * *

Чтобы отпраздновать «возвращение» Клары, они все высыпали в сад, а потом сыграли партию в раундерз¹². Даже Рита встала с постели и присоединилась к ним. А Питер сказал Морин: «Значит, все-таки выиграл я, гони мои денежки обратно», но Морин ответила: «Отвянь! Не радуйся раньше времени, – и во весь голос прибавила: – Все равно она вскоре передумает. Она и осталась-то только из-за своей *любовной истории*, к нам это никакого отношения не имеет».

Клара заметила, что миссис Гаррард прогуливается вдоль их садовой ограды, явно что-то вынюхивая, и, имея полную возможность «вышибить» Алекса, нарочно промахнулась, так что вся ее команда неодобрительно завyla и застонала. А потом они вернулись в дом и стали пить молоко с крекерами, и Клара учила их чокаться стаканами – «ТИХОНЬКО, Барри, осторожней, ради бога!» – и вскоре все улеглись спать.

Сама Клара в ту ночь спала сном младенца. Возможно, из-за того, что набегалась, а может, из-за того, что Рита, бедняжка, после всех своих мучений спала спокойно – благовослови ее, Господи! – или просто потому, что после стольких недель неуверенности и сомнений хорошо было прийти к окончательному решению. И, похоже, решение это оказалось правильным.

Клара обнаружила, что уже задумывается о том, как расскажет все Джулиану. Решение она, разумеется, приняла отнюдь не только из-за «любовной истории», хотя и это тоже помогло. У нее будет еще много свиданий с Джулианом, много посещений кондитерских и ресторанов, а может быть, и что-то большее. Стоит позволить себе хоть немного романтики, это вовсе не преступление. И кто знает, куда это может ее привести?

Утром Клара, распахнув окно, с наслаждением вдохнула свежего деревенского воздуха. Она уже начинала любить этот исторический городок, его средневековые здания, сады и булыжные мостовые, ей было приятно сознавать, сколь много поколений людей успело здесь смениться за минувшие века и сколь многие представители этих поколений были свидетелями эпохи Тюдоров. И ощущение этой неразрывной связи настоящего с прошлым отчего-то согревало Кларе душу и, пожалуй, внушало надежду, что когда-нибудь и она сможет почувствовать себя одним из маленьких звеньев этой связи времен.

Она, наверное, впервые с тех пор, как ее отец вернулся в Лондон неизвестно откуда, так хорошо выспалась. И уж точно впервые с тех пор, как погиб Майкл, она встала с постели с улыбкой на лице и отчетливым ощущением того, что в ее жизни все еще возможно. Дети постепенно к ней привыкали. И она привыкала к ним.

¹² Упрощенный вид бейсбола, напоминает русскую лапту.

Но, пожалуй, самым удивительным было ее ощущение уверенности в том, что она непременно со всем справится.

Следующий день тоже начался с хороших новостей, что лишний раз подтвердило правильность принятого ею решения. Они с Алексом возились в саду, когда у ворот Грейнджа затормозил весьма импозантного вида автомобиль, только что промчавшийся с верхнего края шоссе. За рулем сидел молодой мужчина в мягкой шляпе «федора». Потрясающий красавец. Клара подошла к воротам, чтобы поздороваться, и только тут поняла, что этот человек не так уж и молод, как можно было бы предположить по его лихой манере вождения и по модной шляпе – пожалуй, лет тридцати пяти, а то и старше, – но безусловно очень хорош собой. Оказалось, что он – дядя Питера, его единственный оставшийся в живых родственник, а приехал он, чтобы познакомиться с мальчиком и на целый день взять его с собой. Но ведь это, возможно, первый шаг к усыновлению! – обрадовалась Клара, поскольку мисс Бриджес и миссис Харрингтон уже успели внушить ей, что «старших детей почти невозможно пристроить» и это «практически все равно, что просить луну с неба».

– Какая красивая машина! – восхитилась Клара, заметив, что Айвор вышел из мастерской на улицу и наблюдает за ними.

– Это «Астон Мартин», – тут же пояснил Алекс, выглядывая у нее из-за спины.

– Какой умный парнишка, – похвалил его дядя Питера. – Это *он*?

Клара рассмеялась.

– Нет, это Алекс. А вашего зовут Питер... Подождите, он через минуту спустится.

– Жаль, что это не девочка, девочка вполне могла бы и по дому помочь. – Он подмигнул Кларе, и та слегка покраснела, неприязненно подумав: лучше бы ты все-таки со мной не заигрывал! Стараясь скрыть смущение, она принялась оглаживать подол платья, и тут на пороге дома показался смущенный Питер.

В руках у него был мяч для игры в раундерз, и в целом он выглядел каким-то страшно неловким, чересчур длинноногим, и старенькие шорты были ему явно малы, и прядь волос прилипла к вспотевшему лбу...

– Мяч ты пока оставь, – сказала Клара и забрала у него мяч. Питер сел в машину, и она помахала ему рукой на прощание, испытывая такую гордость, словно ее ребенок только что сделал свой первый шаг. Дядя Питера громко посигналил, отъезжая от ворот – на соседей ему было явно наплевать, – а Питер, обернувшись, все смотрел на Клару из заднего окошка, и его веснушчатое лицо показалось ей каким-то странно напряженным. Она тут же ободряюще ему закивала – ничего, все будет хорошо, Питер! *Одного возьмут – но семеро-то останется.*

Она и не заметила, как Айвор вернулся к себе в мастерскую.

Алекс, просунув пальцы ей в ладонь, с мечтательным видом вздохнул и сказал:

– Хотелось бы и мне попасть в хорошую семью!

– М-м-м, Питеру очень повезло. – Клара ласково сжала его пальцы. Она не сомневалась, что уж Алекс-то у них долго не задержится. – Когда-нибудь и твое время придет.

И вот ведь что удивительно, подумала она, когда это случится, она будет *здесь* и все увидит собственными глазами!

* * *

Когда Клара сообщила Джулиану, что остается, он, по его собственным словам, «просто в экстаз пришел», хотя, пожалуй, это выражение и показалось ей несколько чрезмерным. Он тут же сказал, что на ее счет у него имеется масса всевозможных планов, и то, как выразительно он приподнял одну бровь, глядя на нее, свидетельствовало о том, что его планы связаны не только с тем, чтобы *куда-нибудь ее сводить*. Клара, впрочем, из ложной скромности тут же

отмахнулась от подобного предположения, а вслух сказала, что боится приобрести в Лавенхэме дурную репутацию. Джулиан рассмеялся: «В моем возрасте твоя “дурная репутация” – это только лишний козырь!» Вообще-то, его возраст Клару и впрямь немного беспокоил; с другой стороны, ее отец был старше матери на двенадцать лет, что в целом воспринималось совершенно нормально. Куда менее нормальным было то, что она до сих пор не имела представления, много ли у Джулиана денег; хотя в глубине души подозревала, что и к его скрытности сумеет привыкнуть, если так будет нужно. Пока что они договорились, что в ее следующее свободное воскресенье пойдут в ресторан, и Джулиан сказал, что «пьян от одной мысли об этом».

* * *

Члены местного общества имени Джейн Тейлор каждые несколько месяцев непременно собирались в библиотеке Лавенхэма. Подобные встречи устраивались с 1912 года, и поклонники поэтессы ухитрились не растерять друг друга даже во время обеих мировых войн, чем весьма гордились. Вскоре должна была состояться очередная осенняя встреча, и мисс Бриджес предложила Кларе пойти туда с ней вместе. Клара, правда, никак не могла понять, как ей к этому предложению относиться: с сарказмом или без? *Да и с какой стати, скажите на милость, мне вообще могло бы захотеться туда пойти?* – думала она.

Но в ту среду, на которую была назначена встреча, Клара оказалась совершенно свободна: все дела были переделаны, дети ушли в школу, ланч готов, белье постирано, в доме относительно чисто. И ей вдруг пришло в голову, что *на это собрание можно было бы и сходить*.

Она была удивлена, увидев, что в секции «Биографии и путешествия» уже расселись участники встречи; их оказалось не менее дюжины; там были и хозяин мясной лавки, и мистер и миссис Гаррард, и начальница почтового отделения, и даже жена доктора Кардью – та самая великолепная дама, которую Клара видела с Ритой в саду при хирургической лечебнице. Стараясь держаться от Гаррардов подальше, Клара отыскала свободное место, уселась и, посмотрев на миссис Кардью, обнаружила, что та настолько тонка и хрупка, что в профиль ее почти не видно. К сожалению, ближайшим соседом Клары оказался Айвор Дилани.

А он-то что здесь делает? – удивилась она.

Доклад делал библиотекарь, старый и какой-то пыльный человек в плохо сидевшем костюме. К тому же он страдал мучительным кашлем, и Клара решила, что все-таки зря сюда пришла. А уж когда докладчик объявил, что сегодня намерен основное внимание уделить не самой Джейн Тейлор, а ее старшей сестре Энн, она испытала еще большее разочарование и стала думать, как бы ей потихоньку, не привлекая к себе внимания, выбраться из библиотеки. Впрочем, Айвор бы все равно заметил – и уйти она так и не решилась.

Энн Тейлор родилась в 1782 году и была вполне достойна своей знаменитой сестры: это была женщина практичная, умелая, талантливая и способная рискнуть чем угодно, но не позволить тогдашним условностям связать ее по рукам и ногам. Она вышла замуж за Джозефа Гилберта, человека весьма набожного, и завела большую семью, однако продолжала писать – и стихи для детей, и мемуары, и памфлеты, и статьи для газет. Ее писательский труд служил для семьи существенной финансовой поддержкой, хотя в те времена считалось весьма необычным, чтобы замужняя женщина работала. Губы Клары тронула улыбка сочувствия. Теперь она была уже рада, что пришла: приятно было сознавать, что даже в консервативном Лавенхэме, который в некоторых отношениях оказался куда более консервативным, чем Лондон, все-таки замечают и ценят вклад женщин в общее дело.

Во время перерыва на чай Клара ринулась в уборную и постаралась максимально там задержаться, чтобы не столкнуться ни с Айвором, ни с Гаррардами.

Из второй половины доклада она узнала, что Энн Тейлор активно протестовала против рабовладения и страстно поддерживала зарождавшееся тогда движение аболиционистов.

– А вот это мне слышать особенно приятно! – вдруг громко сказала жена доктора, и все вокруг зашептались, выражая свое с ней согласие. А Клара с удовольствием подумала: *Значит, она все-таки умеет разговаривать!*

Странное дело, но Энн Тейлор оказалась еще и антисуфражисткой и считала, что давать женщинам право голосовать не следует. Возникла пауза.

– А я не вижу тут ничего странного, – снова заговорила миссис Кардью. – Человек может быть прав в одном, но не прав в другом – это совершенно естественно. Такова уж природа человеческого существа.

Это было максимальное количество слов, которые Клара когда-либо слышала от миссис Кардью, и все же она решила, что жена доктора ей нравится. И стоило ей так подумать, как Айвор повернулся к ней и улыбнулся.

Нет, этот человек попросту выводил ее из себя!

Присутствовавшие на заседании еще хлопали, когда миссис Кардью, собрав свои вещички, вышла из библиотеки, на ходу поздоровавшись с Айвором и Кларой. Тон у нее при этом был совершенно равнодушный.

К сожалению, Айвору было с Кларой по пути, так что они пошли рядом.

– Никак не ожидал вас здесь увидеть, – сказал он.

Клара тут же гордо выпрямилась – хотя куда уж больше, она и так шла с абсолютно прямой спиной.

– А почему бы мне было сюда и не прийти? – Если Айвор намерен опять ее задирать, то и она ему спуску не даст.

– Ну, мне казалось, что вы дождаться не можете, когда, наконец, получите возможность покинуть нашу тихую культурную заводь.

Интересно, с чего это он так решил?

– Для меня культурная жизнь Лавенхэма никогда не была основной проблемой.

– Ну, и когда же вы уезжаете?

– А я в итоге передумала и решила остаться!

Он посмотрел на нее, покачал головой, но ничего не сказал, продолжая недоверчиво трясти головой.

– Знаете, – наконец заговорил он, – есть одна детская песенка – по-моему, прямо про вас: *Одна нога здесь, другая там, быстро скачем по верхам...*

Клара, рассердившись, решительно свернула в сторону. *Ну что за идиот!* Нет уж, хватит с нее, больше он ни одного шанса не получит! И вообще, где это сказано, что человек со всеми соседями ладить обязан?

* * *

Клара нарезала в саду цветов и поставила букеты в каждую комнату. Затем широко распахнула окна – сестра Юнис явно была противницей проветривания – и немного прибралась в доме, ей не хотелось, чтобы дети проводили свободное время исключительно за мытьем полов и отскребанием грязи.

Затем она обдумала, какие вопросы задаст сегодня детям во время трапез – разумеется, это будут вопросы о самом насущном, например: «Чем вы сегодня занимались в школе?» или «Что вы собираетесь делать в воскресенье?». Когда она впервые попыталась задать такие вопросы, то сразу поняла, что застигла их врасплох; они даже рты раскрыли от изумления. Впрочем, вскоре они привыкли и стали отвечать весьма охотно.

Клара попыталась самостоятельно наладить радиоприемник, но у нее ничего не вышло, и тогда она позволила разбираться с приемником Билли и Барри. Как ни странно, приемник

вскоре заработал, и программа «Детский час», как и надеялась Клара, стала у младших любимой.

Джуди подала ей идею превратить унылую кухню в художественную галерею. Здесь особенно проявились таланты Пег, которая нарисовала и звезды, и солнечные лучи, и тучи, и зонты. Клара, смеясь, говорила, что Пег, должно быть, большую часть времени смотрит вверх.

Рита нарисовала множество человечков, похожих на картофелины, и сказала, что все это ее мама. Терри пообещала, что тоже что-нибудь нарисует, но попозже, поблагодарила и убежала в сад. Она мастерски умела откладывать «на потом» то, что ей делать не хотелось. Алекс честно сказал, что рисовать лучше не будет, если, конечно, Клара не возражает. «Спасибо, но мы и в школе на всякую такую ерунду достаточно много времени тратим».

А старших детей Клара и просить не стала. Билли и Барри подобные занятия были вообще не свойственны; они и за обедом-то усидеть с трудом ухитрялись и при малейшей возможности начинали хихикать, толкаться, а то и кататься по полу, где уж им было смиренно сидеть и что-то там изображать с помощью карандаша или ручки. Морин в ответ на предложение Клары попросту презрительно усмехнулась бы – она вообще на многое отвечала презрительной усмешкой. А Питер... Питер, конечно, был очень милым мальчиком, только он, скорее всего, сразу сменял бы карандаши на сигареты, поскольку теперь курил *постоянно и совершенно открыто*.

Клара стерла с детских туалетных принадлежностей написанные на них номера и заменила их именами воспитанников. Так стало гораздо лучше. Затем она заставила каждого перемерить все башмаки, выбрать себе подходящую пару и на каждой такой паре написала имя соответствующего ребенка, чтобы никакой путаницы с башмаками и никакого обмена больше не было. К сожалению, вся обувь бедняге Питеру оказалась мала, а крошке Пег – слишком велика. Неужели до сих пор никто этого не замечал? В субботу утром Клара отправилась со своим выводком на рынок, расположившийся возле железнодорожной станции, и каждому разрешила выбрать себе по одной паре обуви. Для этого ей пришлось вытащить из заглазника те деньги, которые она отложила, чтобы купить новые игрушки и настольные игры, но обувь, разумеется, была важнее. Клара также направила в Совет еще одну просьбу – по поводу покупки для детей на лето легких парусиновых туфель на резиновом ходу и курток, – и, как ни странно, на этот раз решение Совета оказалось положительным, о чем ей и сообщила обрадованная мисс Бриджес. Когда Клара сказала детям, что им совершенно не обязательно носить в школу «дурацкие», по определению Морин, шапочки, сразу выдающие в них воспитанников «Шиллинг Грейндж», они страшно обрадовались (только Терри заявила, что ей нравится быть похожей на летучую мышку, и продолжала отвратительную шапку носить).

По инициативе Клары дети записались в библиотеку, и старый библиотекарь – мистер Доусетт – стал увлекательно рассказывать им о разных книгах и авторах – не хуже, чем тогда об Энн и Джейн Тейлор. Пег обожала комиксы о медвежонке Руперте, хотя Клару подобное чтение всегда вгоняло в сон. А Рита и Терри стали большими поклонницами детской писательницы Энид Блайтон. Морин постоянно рылась на стеллажах для взрослых, где были любовные романы издательства «Миллз энд Бун», несмотря на бесконечные увещевания типа: «Тебе еще рановато, Морин, тебе ведь всего *тринадцать!*» Билли и Барри просто нравилось иметь библиотечные карточки: им казалось, что с этими карточками они похожи на тайных агентов. А над Алексом Клара и мистер Доусетт часто подшучивали, предлагая ему и кровать свою перенести в секцию научной и документальной литературы. И, если бы это было можно, он, наверное, так бы и поступил. Когда Алекс обнаружил, что домой можно брать не три, а сразу шесть книг, то прямо-таки подпрыгнул от счастья. А уж когда Морин предложила ему иногда брать взаймы ее карточку и таким образом получать еще больше книг, его радость и вовсе не знала предела.

В течение всего октября Клара, стоило ей выглянуть на улицу, непременно видела Айвора, работавшего в мастерской с настежь распахнутыми дверями. Айвор коротко кивал ей в знак приветствия, хотя с детьми всегда здоровался весьма радостно и шумно. Ну и пусть. Клара решила не расстраиваться из-за подобных мелочей. В конце концов, в Лавенхэме полно и других симпатичных людей – например, Джулиан, – которые всегда ей рады и гостеприимно ее встречают.

Глава девятая

В начале ноября зачастили дожди. Клара жалела детей, которые успевали промокнуть насквозь, пока добежали до школы, но им самим, похоже, было хоть бы что. Рита и Пег любили взбираться на невысокие ограды и шли поверху, опасно балансируя, так что Морин и Питеру приходилось их страховать, держа за руку. Билли и Барри предпочитали другие забавы: прятались за мокрыми деревьями и выскакивали оттуда навстречу незнакомым людям с криком «Бу-у!».

Директор средней школы Лавенхэма тепло поздоровался с Кларой и спросил, как у нее дела. Когда она сказала, что общение с детьми «открыло ей глаза», он рассмеялся: «У вас всего восемь человек, а вы со ста двадцатью пообщайтесь! А дети из «Шиллинг Грейндж» у нас никогда беспокойства не вызывали. По крайней мере, мы точно знаем, что они там сыты и одеты».

Но Кларе подобная планка показалась слишком низкой.

Собственно, это Джуди посоветовала ей сходить к детям в школы и узнать, как там и что. Клара страшно злилась на себя за то, что сама об этом даже не подумала – да и никто из членов Совета ей ничего подобного не предложил. Она все чаще приходила к выводу, что обо всем должна думать сама и ни от кого советов не ждать. Нельзя же без конца полагаться на Джуди! Как бы сильно ей этого ни хотелось.

Вскоре Клара поняла, что директор средней школы, как и она сама, является большим любителем бережной фиксации данных и продвинутой формы их хранения. Пригласив ее в свой кабинет, он зачитал ей дела детей, и Клара узнала из них много нового. Например, что у Морин не только успеваемость по академическим предметам ниже среднего, но она также частенько не выполняет домашние задания и прогуливает уроки. Когда директор сказал: «По рейтингу успеваемости – четырнадцать из шестнадцати», Клара не поняла и сказала: «Но ведь это же, по-моему, неплохо...», но директор тут же вернул ее на землю: «Это означает, что она на четырнадцатом месте в классе из шестнадцати человек».

«Хорошо хоть не на последнем!» – вздохнула Клара, пытаясь себя утешить.

Билли и Барри были, разумеется, записными проказниками, и директор со смехом рассказывал Кларе об их проделках, но потом посерьезнел и сообщил, что учатся они, к сожалению, плоховато, оценки по чтению, правописанию и арифметике у них ниже среднего уровня – из шестнадцати учеников Билли занимает двенадцатое место, а Барри – шестнадцатое. Клара уже собралась критиковать эту систему оценочных мест, но тут директор заговорил о Питере и сообщил, что этот мальчик практически по всем предметам успевает очень хорошо и занимает в классе второе место из 19, а по некоторым дисциплинам – даже первое.

В конце концов, обрадовалась Клара, один способный и успешный ребенок из восьми – это уже не так плохо!

А директор еще и прибавил: «Питер имеет полное право перейти в классическую школу», и объяснил удивленной Кларе, что в Ипсвиче имеется такая школа, где дают углубленные знания по академическим предметам; оттуда, сказал он, открывается прямой путь в университет, тогда как его средняя школа в основном готовит детей после ее окончания, то есть лет в шестнадцать, к более простому ручному труду или занятиям домашним хозяйством. Клара об этом понятия не имела.

– Впрочем, Питеру уже поздно менять школу¹³, – сказал директор, пытаясь разом отразить все возникшие у Клары вопросы. – Ничего, этот мальчик преуспеет повсюду, где бы он ни оказался.

¹³ Питеру тринадцать, экзамен «11+», который проводится по окончании начальной школы, он пропустил. По результатам

Клару охватило горячее чувство гордости. *Ее* мальчик преуспеет повсюду!

И она вдруг вспомнила об Алексе и Терри. Им обоим скоро одиннадцать, и оба весьма сообразительны.

– Но тогда как поступить в грамматическую школу? – спросила она.

– А вот это хороший вопрос, – сказал директор.

Встреча получилась весьма информативной, и Клара в приподнятом настроении направилась напрямик в начальную школу Лавенхэма, где учились *ее* младшие дети. Женщина в приемной приветливо кивнула Кларе и отложила ручку, не обращая внимания на то, что с зонтика Клары на паркетный пол натекла целая лужа воды.

– Я бы хотела поговорить с директором школы, – сказала Клара. – По поводу детей из «Шиллинг Грейндж».

Секретарша встрепенулась, накрыла крышкой чернильницу и встала из-за стола.

– О, знаю, *знаю!* – затараторила она. – Это же просто какие-то дикие зверьки! Что они там еще натворили?

– Ничего. Просто я новая заведующая этим детским домом, – Клара даже на цыпочки приподнялась: в данный момент каждый дюйм имел значение, – так что, если у вас возникнут проблемы с моими *дикими зверьками*, сразу дайте мне знать.

И секретарша, прикусив губу, заявила:

– Непременно! Сразу во все колокола ударю.

После столь неудачного начала директриса сказала, что может уделить мисс Ньютон не более пяти минут. И все эти пять минут она, сурово сжав бледные губы, водила Клару по каким-то коридорам, похожим на бесконечный лабиринт.

Клара узнала, например, что Рита часто выпивает *чужое молоко* – молоко полагалось младшим школьникам бесплатно, – а Пег молоко *вообще не пьет*. Алекс вечно поправляет учителей, а Терри часто приходится бить тростью за невнимательность и опоздания. Услышав это, Клара нахмурилась. Странно, что дети вообще еще в эту школу ходят, думала она, если к ним тут такое отношение.

Они уже снова оказались в директорской приемной, когда Клара, наконец, задала главный вопрос.

– Скажите, а как можно сдать экзамен «11+» и подать заявление в грамматическую школу?

Впервые за все это время директриса позволила себе улыбнуться. Впрочем, она сразу же перестала улыбаться, поняв, что Клара говорит серьезно.

– Это невозможно.

– Почему же?

– Скажем так, мы не даем таких рекомендаций *некоторым* детям.

– Что значит «некоторым»? Нельзя ли поточнее?

Директриса решительно покачала головой:

– Нет-нет, в грамматические школы поступают исключительно одаренные дети.

– Вот именно! – Клара вспомнила, как Алекс излагал ей теорему Пифагора, а также вердикт Айвора: *У него такой острый ум!* – Потому-то я и хочу, чтобы мои дети попробовали сдать этот экзамен. А также я хотела бы, чтобы вы их соответствующим образом к этому подготовили.

– До сих пор никто из «Шиллинг Грейндж» этот экзамен сдать не мог! – отрезала директриса и посмотрела на часы. – Мне пора, мисс Ньютон, благодарю вас.

Клара и сама не знала, что ей втемяшилось в голову, но она решила сражаться до конца.

этого экзамена определяется, будет ли ребенок дальше учиться в классической (грамматической) школе, или же в какой-то другой.

– Это совершенно неправильно! – твердо заявила она. В конце концов, она – заведующая детским домом «Шиллинг Грейндж» и намерена добиться того, чтобы ее дети получили самую лучшую подготовку и сдали этот чертов экзамен! – Мои дети непременно будут сдавать этот экзамен вместе с остальными вне зависимости от того, пройдут они дальше или нет. Они это заслужили и должны иметь такие же права, как все.

– Но откуда, скажите на милость, вы возьмете средства, чтобы хоть школьную форму им купить, если они поступят?

Клара сказала, что проблемы нужно решать по мере их поступления, что на жизненном пути всегда немало поворотов и развилок, но директриса продолжала сопротивляться.

– Это невозможно! Так никогда раньше не делалось! Они для грамматической школы совершенно не годятся!

Однако ее сопротивление лишь прибавило Кларе решимости.

– Хорошо, – сказала она, – я непременно свяжусь с Советом и сообщу, что вы подвергаете наших детей дискриминации. Они там уделяют подобным вещам особое внимание, – в последнем она была совсем не уверена, но ей было плевать, – особенно с тех пор, как был принят Закон о детях.

Директриса, словно обессилев, прислонилась к стене. Секретарша уже поглядывала на них обеих с беспокойством.

– Не вижу особой необходимости беспокоить Совет графства, мисс Ньютон. Я пришлю вам все необходимые аппликационные формы.

– Я бы хотела получить от вас письменное подтверждение этого, – нагло потребовала Клара, не поверив директрисе ни на йоту.

И директриса покорилась.

И с каждым разом, вставая на защиту детей, Клара чувствовала в себе все больше уверенности. Странное дело, это оказалось *так здорово!*

Клара уже вышла из школы, когда звонок возвестил перемену, и через несколько секунд на покрытую лужами игровую площадку лавиной хлынули дети. Высматривая «своих», Клара заметила, что Алекс неразлучен со своим лучшим другом Бернардом, таким же умником и «профессором», только в два раза крупнее. Пег вместе с другими девочками играла в «классики», слегка хвастаясь своей ловкостью и удачливостью. А Терри в толпе веселых одноклассниц прыгала через веревку и вместе со всеми орала: «Повернись, поскользнься!», чтобы кто-то сбился и «вылетел».

А вот Риту Клара сперва никак не могла обнаружить. Она обошла всю игровую площадку по краю, все сильнее беспокоясь, и, наконец, увидела Риту. Девочка стояла возле дренажной канавы, полной воды. Выглядела она абсолютно независимой и очень одинокой – руки в карманах, глаза опущены, прекрасные волосы гладко причесаны.

Позднее, где-то днем, Клара заметила, как по улице, осторожно обходя лужи, идет миссис Кардью с большой сумкой для покупок. Вспомнив, как нежно жена доктора обращалась с кроликами, как прямо и точно высказывалась в библиотеке, Клара, не задумываясь, ринулась ей наперерез. «Лови момент», – сказала она себе, решив, что именно так поступила бы и Энн Тейлор, наиболее практичная из знаменитых сестер.

Миссис Кардью воззрилась на нее не то чтобы холодно, но без особого интереса.

– Миссис Кардью, я просто хотела узнать... – Клара и сама не была толком уверена, что именно хочет спросить, но все же решила воспользоваться удачным мгновением и продолжила: – Не захочется ли вам как-нибудь провести пару часов с нами, в Грейндже? – Клара улыбнулась, надеясь, что улыбка как-то закрепит столь неожиданное приглашение.

– С чего это вдруг? И почему я должна этого хотеть?

Обычно акцент в ее речи был практически незаметен, но становился значительно сильнее, когда миссис Кардью волновалась или смущалась.

– Ну, можно было бы выпить чаю или... не знаю.

Кларе показалось, что взгляд миссис Кардью сейчас просто дырку у нее в голове про сверлит, и она решила сказать честно.

– Понимаете, я иной раз просто теряюсь, общаясь с детьми, и мне бы очень помогло общение с кем-нибудь из взрослых. И потом, я в Лавенхэме аутсайдер. Как и вы.

– Я *совершенно* не такая, как вы.

Ну ладно, значит, я просто не то слово выбрала.

– Но я же совсем не это имела в виду! Судя по вашему акценту, вы, вероятно, немка?

На лице миссис Кардью отразилась целая гамма чувств, и она отрезала:

– Нет!

О Господи!

– Извините, тогда, наверное, полька, да? А чем вы раньше занимались там, в своей стране?

У миссис Кардью был такой вид, словно больше всего ей хочется немедленно повернуться и уйти прочь, однако она не ушла, а тяжело вздохнула и напряженным голосом промолвила:

– Я преподавала в средней школе.

Этот ответ Клара восприняла как манну небесную. Ей показалось, что даже небо над головой вновь стало безоблачным.

– О! И что именно вы преподавали?

– Музыка и математику.

– Как? Но ведь это же просто идеально!

Миссис Кардью с полным непониманием уставилась на нее.

– Почему «идеально»?

– Дело в том, что у нас теперь есть фортепиано. Оно в садовом сарае стоит.

– В садовом сарае? – медленно переспросила миссис Кардью.

– И некоторые дети очень хотели бы научиться играть. И потом, я же знаю, *как* вы в музыке разбираетесь... я же слышала, как вы тогда играли на скрипке... Это было прекрасно!

Казалось, что каждый мускул на лице миссис Кардью напряжен и буквально окаменел.

– Что вам сказал мой муж? – резко спросила она.

Доктор Кардью?

– Ничего. А почему вы спрашиваете?

– Он вам точно что-то рассказал. Я знаю, что это так.

– Нет, он ничего мне не говорил. Но даже если б он что-то и сказал... не могли бы вы все же подумать о моем предложении? Пожалуйста!

Миссис Кардью с трудом перевела дыхание. Что-то явно привело ее в бешенство.

– Меня уже не исправишь, – сказала она. – Да я и не желаю, чтобы меня *чинили*. И мой ответ вам – нет и нет.

СИРОТСКИЙ ДОМ «ШИЛЛИНГ ГРЕЙНДЖ»

ОТЧЕТ № 3

Морин Эмми Китон

Дата рождения:

23 ноября 1934 г. (Морин родилась недоношенной.)

Происхождение:

О своей семье Морин мало что помнит. Но даже если и помнит что-то, то, по-моему, старательно блокирует эти воспоминания.

В деле Морин имеются кое-какие сведения о том, как она оказалась в Саффолке. Ее направили в приют прямиком из родного дома в 1940 году. Ей тогда было пять лет. Морин была в своей комнате наверху, когда ее отец на кухне до смерти забил молотком ее мать и ушел из дома. А Морин еще долго сидела возле матери, возможно, сутки, а может, и больше. Полицейские потом никак не могли понять, почему несчастная женщина вся облеплена бумажными салфетками, и сперва решили, что это тоже дело рук ее мужа, но на самом деле это Морин пыталась «перевязать» мамины раны. От тела матери девочку удалось оторвать лишь силой.

Ныне ее отец находится в тюрьме в Северном Лондоне. Контактных никаких.

Здоровье/внешность:

Меня беспокоят зубы Морин; мне кажется, они недостаточно прочные. Примечание: она явно избегает их чистить, иногда по утрам ее зубная щетка абсолютно сухая. Кроме того, Морин болезненно реагирует на холод, у нее даже губы моментально синеют; она очень нуждается в теплых вещах – шапке, шарфе, перчатках. (Спросить, возможна ли покупка всего этого.)

Еда:

Морин любит готовить и с удовольствием печет печенье, кексы и тому подобное. Может, это ее будущая профессия?

Хобби/интересы

Она, по-моему, могла бы очень хорошо учиться, если бы сосредоточилась на уроках и почаще заглядывала в учебники. В школе мне жаловались, что Морин слишком часто смотрит в окно, а по некоторым предметам совсем ничего не делает.

Другое:

Морин – весьма самоуверенная и своевольная, даже упрямая молодая особа, ни к кому особого уважения не испытывающая. Что, пожалуй, не удивительно, если учесть ее страшное прошлое.

* * *

Кларе хотелось, чтобы у Морин было какое-то время на развлечения. Девочке всего тринадцать, и совершенно не обязательно, чтобы она в свободное от школьных занятий время

занималась исключительно работой по дому. Может, если она получит больше свободы, будет больше гулять, у нее и отметки в школе станут лучше?

Когда Клара пообещала Морин освободить ее от определенных домашних обязанностей, никакой реакции сперва не последовало, но затем хорошенькое личико Морин осветила улыбка, а в ее глазах возник неуверенный вопрос: *Правда? Нет, честное слово?*

Обретя большую свободу, Морин действительно понемногу расслабилась, но вскоре Кларе стало казаться, что расслабилась она как-то чересчур. Она стала поздно возвращаться домой, и не просто после наступления темноты, а и большую часть ночи где-то гуляла. Пока что, правда, только по уик-эндам, но и это Клару уже настораживало. Освобождая Морин от домашних дел, она совсем не такую свободу имела в виду. Она и сама не так давно, всего каких-то двенадцать лет назад, была в возрасте Морин, но мир с тех пор неузнаваемо переменялся. Да и сама Клара тоже. Теперь она хорошо знала, какие ужасные вещи могут случиться, если осмелишься хоть на мгновение отвлечься.

Но делиться своими тревогами относительно Морин с мисс Бриджес Кларе было неловко; мисс Бриджес всегда считала, что давать детям больше свободы – значит, попросту напрашиваться на неприятности. «Вы же знаете, Клара, – с усмешкой говорила она, – поговорку насчет дьявола и незанятых рук?»

– Где ты была, Морин? – Клара каждый раз задавала этот вопрос, все-таки дождавшись среди ночи появления несносной девчонки. Разговаривали они шепотом, чтобы ни в коем случае не разбудить остальных девочек.

– Гуляла.

– Это я знаю. – Все-таки Кларе давно пора было перестать задавать этот вопрос – ведь ответ на него был всегда один и тот же. – А где ты гуляла?

– Нигде.

– Нельзя так поздно являться домой. Нельзя торчать на улице до глубокой ночи. – Клара старалась говорить холодно и строго, но в итоге сама собственный голос не узнавала. – Так больше не пойдет.

– Ну и прекрасно!

И Клара решала, что эту битву она выиграла. Но наступила очередная пятница, и Морин снова пришла домой где-то после полуночи, часа на два позже положенного.

Кларе никак не удавалось проявить должную строгость. И не только из-за страшного прошлого Морин, но и потому, что порой эта дерзкая девчонка была удивительно доброй.

Однажды в ноябре Морин вернулась домой из школы, буквально волоча за собой Риту и поминутно ее подталкивая. Все лицо у Риты было выпачкано грязью, она едва могла говорить и захлебывалась слезами.

– Я сказала только, что из меня получится самая лучшая Майская Королева, потому что у меня красивые волосы!

Клара не совсем понимала, в чем дело, но ясно было одно: одноклассницы Риты не смогли переварить ее заявление о красивых волосах.

– Ну, хватит, хватит, – приговаривала Морин, вытирая лицо Риты куском фланели с такой нежностью, что Клара была тронута до глубины души. Отправив Риту наверх полежать, Морин весело объяснила:

– Они ее дразнят. Называют «большоголовой» и «маменькиной дочкой». А еще Ширли Темпл.

Клара судорожно вдохнула. Наверняка именно прозвище «маменькина дочка» так больно отозвалось в сердце бедной Риты.

– Я там одну даже побила. – Морин как ни в чем не бывало принялась намазывать джемом кусок хлеба, и Кларе показалось, что она хвастается. Даже эти ее мелкие движения выглядели хвастливыми. Она отняла у Морин нож и гневно воскликнула:

– Как ты могла ударить ребенка?! *Детей бить нельзя!*

– Ну а я побила!

– Что-о? И сильно?

И Морин с набитым ртом буркнула:

– Довольно-таки. Да их только так и можно остановить.

И ведь вот что интересно: в течение нескольких последующих дней Рита выглядела куда более веселой. Так, может, Морин была права?

* * *

В субботу утром Клара поняла, что находится в Грейндже уже целых одиннадцать недель. Они в этот момент как раз возвращались домой из библиотеки. Билли и Барри, как всегда, убежали вперед, и теперь кто-то из них – Билли или Барри – остановившись посреди улицы, завопил во весь голос (чего Клара велела им никогда не делать):

– А у нас гости!

Слово «гости» всегда вызывало у Клары определенные опасения: больше всего она боялась очередного нашествия вшей. Впрочем, как выяснилось, дело было совсем не в этом. Терри, которая тоже всю дорогу от библиотеки ни минуты не знала покоя, возбужденно сообщила:

– Там у ворот какой-то мужчина, мисс Ньютон! *Какой-то мужчина!*

У ворот действительно стоял какой-то мужчина в черном костюме, и, по всей вероятности, автомобиль, весьма неудачно припаркованный посреди дороги, имел к нему самое непосредственное отношение. Может, это кто-то из членов Совета к ним заглянул? Или явились некие потенциальные усыновители, о которых Клару не предупредили заранее? Или дядя за Питером решил приехать почему-то в субботу?

И лишь подойдя ближе, Клара увидела, что это Харрис с ее прежней работы – точнее, Харрис-младший, один из совладельцев фирмы «Харрис и сыновья».

– Мистер Харрис! – Она бросилась к нему, таща сумки с продуктами. Поцелуй – это, пожалуй, слишком, а вот теплое дружеское рукопожатие в самый раз, хотя рукопожатия, пожалуй, маловато для старого приятеля и одного из ее бывших начальников.

– Мисс Ньютон! – Он радостно стиснул ее руки.

– Вы знаете маму? – тут же потребовала ответа Рита.

– Вы что, пожениться с ней собираетесь? – спросил Билли, подозрительно прищурившись.

– Тогда вам сперва придется пройти наш осмотр, – заявил Барри и с суровым видом скрестил руки на груди.

– Ты что, она же замуж за Айвора собирается! – встряла Терри. – Правда ведь?

– Терри, что за глупости ты говоришь! – Клара редко сердилась на Терри, но сейчас почему-то была возмущена ее заявлением. – Ну, с какой стати тебе *такое* в голову пришло?

– А вы знаете, что такое «число пи»? – подал голос Алекс. – В математике, я имею в виду? А то я могу вам объяснить, если хотите.

– Мистер Харрис знает, что такое «пи», Алекс.

И Клара поняла, что ей придется хорошенько поработать с детьми, чтобы они научились «знакомиться» с другими людьми как положено. А уж Терри вела себя и вовсе из рук вон плохо.

Затем Клара спокойно объяснила детям, что мистер Харрис в течение десяти лет был ее непосредственным начальником, что он – один из хозяев той фирмы, где она раньше работала,

и третий в третьем поколении Харрисов. Она велела всем умыться и привести себя в порядок, а у мистера Харриса спросила:

– Вы ведь останетесь на ланч, не так ли?

С некоторым смущением она подала гостю водянистый куриный супчик и черствый хлеб – такова была их обычная субботняя трапеза, – но мистер Харрис воспринял это самым естественным образом и сказал, что в последнее время ест совсем мало. Впрочем, у него всегда были очаровательные манеры. Он всегда отличался худобой, хотя, пожалуй, теперь еще больше похудел. И лицо у него было на редкость бледное и какое-то изможденное. Клара сразу это заметила. Он, правда, никогда не отличался ни любовью к прогулкам, ни цветущим видом, но сейчас отчего-то казался каким-то совсем уж усталым. Таким усталым и измученным он не выглядел даже в страшные ночи тяжких лондонских бомбежек, когда они вместе с Кларой укрывались на станции метро «Олдгейт». *Интересно, зачем он приехал? – думала она. – Почему просто не позвонил, не написал?* Она уже успела понять, что его отец, мистер Харрис-старший, пребывает в добром здравии и наслаждается покоем после выхода на пенсию, а его дед, 84-летний мистер Харрис-старший-старший, по-прежнему увлекается рыбной ловлей и даже получил приз за особо крупного пойманного карпа.

Значит, за пойманных карпов можно и призы получать?

Странно, но дети, умывшись, на кухню так и не пришли. Через несколько минут Клара преувеличенно весело сказала мистеру Харрису: «Вы кушайте, кушайте», – и отправилась выяснять, в чем дело.

В комнате мальчиков Билли швырялся подушкой, Барри пытался отжиматься, лежа на полу, Алекс валялся на кровати и читал, а Питер смотрел в окно и курил.

А ведь Клара несколько раз громко звала их всех! Впрочем, сейчас она лишь напомнила, старалась говорить максимально спокойно:

– Ланч готов, вы что, не слышали?

– Мы не пойдем.

– Что?!

– Да с какой стати нам с ним дружить-то?

– Что происходит? – спросила она у Питера, но тот лишь плечами пожал. Зато Барри тут же объяснил:

– Он же хочет, чтобы вы с ним в Лондон уехали!

Соображала Клара быстро.

– Нет, мальчики, это самый обыкновенный дружеский визит.

И, произнося это, почувствовала, как сильно забилося у нее сердце. *А что, если мистер Харрис и впрямь приехал за ней? Что она ему ответит, если это действительно так?*

– Не притворяйтесь, будто вы такая уж недогадливая, мисс Ньютон, – сказал Барри, оставив свои физкультурные упражнения и ничком плюхнувшись на кровать.

В девичьей комнате тоже царил атмосфера всеобщего недовольства.

– Вам помочь вещи сложить? – спросила Морин – как плюнула.

– Что-что?

– Мы же знали, что вы и трех месяцев здесь не выдержите!

Рита, сжимая в руках мышку Молли, посмотрела на нее умоляюще:

– Вы же обещали!

– Нет, это уж совсем никуда не годится! – рассердилась Клара. – И мистер Харрис совсем не потому сюда приехал, и я никуда уезжать не собираюсь.

Терри тоненьким голоском возразила:

– Но вы всегда говорили, что были счастливы, когда работали в фирме «Харрис и сыновья».

– Ну да, была. А теперь я и здесь вполне счастлива.

В итоге дети все-таки на кухню явились. Мистер Харрис держался стоически и даже попытался завести с ними беседу, пока они ели.

Но как только тарелки опустели, дети встали, извинились и попросили разрешения выйти из-за стола.

– Ну, ладно, идите, – вздохнула Клара, глядя им вслед. Собственно, ничего нового они в сложившуюся ситуацию не привнесли.

Сегодня была очередь Морин мыть посуду. Она заняла позицию возле раковины и буквально метала раскаленные стрелы в бедного мистера Харриса.

– Ну и как вам работается с мисс Барбер? – Этот вопрос Клара задала ровным тоном, хотя даже упоминать имя этой молодой женщины, занявшей ее место, было ей крайне неприятно. Мистер Харрис церемонно положил ложку на пустую тарелку, промокнул губы салфеткой и сказал:

– Это самая плохая из всех возможных секретарш. Вы просто вообразить себе не можете, насколько она плоха. И это еще мягко сказано.

Клара засмеялась. Как это приятно – все-таки оказаться отомщенной! Эта пробивная девица, из-за которой ей тогда пришлось пережить столько неприятностей, в итоге оказалась большой ошибкой. *Какой сюрприз!*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.